

*Валентина
Кравченко*

**ТАЙНА
КУРГАНА**

18+

Валентина Кравченко

Тайна кургана

«Автор»

2026

Кравченкова В.

Тайна кургана / В. Кравченкова — «Автор», 2026

Древний курган радимичей хранит тайну веков: В нем спрятан клад, который смогут найти лишь те, чьи сердца чисты. Так слушайте люди сказание о любви, дерзнувшей бросить вызов древним духам. Тени прошлого шепчут на ухо соблазны. Призраки вождей испытывают волю, а каждый шаг вперед - это шаг к разгадке главной тайны. Что делает человека счастливым? От их выбора зависит не только их будущее, но и судьба древнего Рода. Что окажется сильнее? Что на самом деле скрыто за легендой о сокровище? Когда на кону стоит все, поймут ли они, что настоящее счастье не блесит золотом, а светиться в глазах любимого человека? Это сказание о верности, мудрости и силе искренних чувств, где настоящее счастье оказывается не там, где его ищут. Диалогия. Первая книга -будет в бесплатном доступе. Вторая- будет платная.

© Кравченкова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	42
Глава 16	44
Глава 17	46
Глава 18	48
Глава 19	51
Глава 20	54
Глава 21	57
Глава 22	59
Глава 23	62
Глава 24	65
Глава 25	68

Валентина Кравченко

Тайна кургана

Глава 1

От автора.

Книга написана на основе открытых источников, трудов летописцев, исторических данных, археологических исследований и альтернативных гипотез. Автор не призывает к слепой вере во все написанное. Это мое восприятие, оно может не совпадать с вашим мнением. Давайте уважительно относиться и к чужому мнению, и к истории, и к здоровому любопытству. Здоровья вам, ясного ума и любви к своим корням.

Славянский сеттинг

Славянское фэнтези

Темное фэнтези

Бытовое фэнтези

Приключенческое фэнтези

Исторический любовный роман (для любителей «исторической атмосферы» без строгого историзма). В романе бытовые детали, исторические события, формы-обращения и т.д. работают как фон, для удержания внимания и создания атмосферы

Глава 1

Часть 1: «УЗЕЛ РОДА»

Узел Рода - это не вещь. Это обещание, данное еще до рождения: стоять за свой род, хранить его честь и принимать его тяжесть. Узел рода - это тонкая нить между живыми и мертвыми. Его нельзя потерять, нельзя отдать. Пока узел цел, род стоит крепко, а курган молчит. Но когда он исчезает, курган начинает шептать. И тот, кто услышит, уже не сможет притворяться, что ничего не знает...

Глава 1

Пролог

- В те времена, когда леса говорили с людьми шёпотом ветра, а реки знали имена всех, кто ступал на их берега, пришли в эти земли два брата - Радим и Вятко. Родом они были из дальних западных земель, где солнце садится позже и тени длиннее, но сердце звало их туда, где земля сама просит, чтобы её обжили. Шли они не порознь, а рядом, плечом к плечу, и каждый шаг их был как слово, сказанное земле: «Мы здесь». Но путь был не прост. Леса вставали стеной, реки гнали волны, будто не хотели пускать чужаков. А ночью, когда звёзды становились острыми, как стрелы, братья слышали голоса, что шептали из темноты: «Испытание ждёт того, кто хочет стать своим».

Однажды на перекрёстке трёх дорог, где тропы терялись в тумане, они встали спиной друг к другу и, закрыв очи, несколько раз повернулись по пути Ярило-батюшки. А потом пошли туда, куда он им указал, - голос волхва звучал глухо и сипло.

Лето выдалось дождливое и холодное. Часто хворал старик. Все ближе к кострам жался. Да из землянки своей все реже показывался.

А сегодня день выдался безветренным и жарким. Травяной ковер, с яркими пятнами цветов источал пьянящий аромат. По бездонно-синему небу, раскинувшемуся во всю ширь, размазали белесоватые нити облаков, а под ними, далеко-далеко, за темными лесами и непроходимыми болотами устремлялись ввысь макушки деревьев, над которыми, высматривая добычу, парили ястребы.

Волхв подкинул в костер несколько сухих веток.

- И Радим пришел сюда? - на него смотрели чистые любопытные глазенки одного из сидящих вокруг мальчишек.

Одеты они были в холщовые порты и такие же рубахи с красно-черной обережной вышивкой по рукавам и горловине. Онучи обёртывали ногу от щиколотки до колени и были обвиты пеньковыми оборками-веревками, которые так же стягивали легкие кожаные поршни *

(это простейшая старинная кожаная обувь. По виду она напоминала лапти, но была сделана из кожи)

У каждого на голове была надета широкая вышитая налобная повязка-очелье. Каждый элемент вышивки нес особый смысл и охранял своего обладателя от злых духов. Рубахи мальчишек были подпоясаны широким кожаным поясом, а на руках - кожаные наручи.

- Да, Черныш. Со своим родом Радим остался здесь. По нраву пришлись ему эти места. Леса. Болота. Ворогу трудно добраться до наших селищ. А мы каждую тропку в лесу знаем. И через болота пройти можем.

- А там, на болотах, сокровище? – спросил другой мальчишка, постарше, сидящий с другой стороны от волхва.

- Ты только о сокровищах гредишь, Завид, – проговорила сидевшая рядом девочка. Она внимательно слушала волхва, плетя венок и вслушиваясь в каждое его слово. На девочке была надета длинная рубаха, так же как и у мальчиков, украшенная вышивкой их рода. На льняном сарафане и пояском ремешке красовались костяные привески-уточки – оберег, символизирующий связь с матушкой-природой и ее плодородием через воду. А также более изящное, тонкое очелье, к которому крепились позвякивающие при каждом движении медные кольца с семью лучами. Несколько таких же колец были вплетены в ее медно-рыжую косу.

- Сокровище.... Когда Радим уходил к пращурам, завещал прах его рядом с домовиной жены Миланы схоронить. Из всех жен, она ему милее всех была. Завет его выполнили. Да не совсем. Его прах в домовине чуть поодаль поставили. Да два кургана насыпали. А на другое лето придя к тому месту, нашли что меж тех курганов песка да земли нанесло. Как бы сравнялись два кургана вместе. Словно духи друг к друг стремились. Видно, боги сами их вместе сводили. Хотели раскопать те курганы, заново домовины поставить. Да внезапно ветер поднялся. Небо заволокло темными тучами, и ливень пошел. Когда все успокоилось, попытались снова. Да вновь дождь да ветер налетел. Смекнули тогда, что не хотят духи, дабы разлучали их. Поклонились они пращурам, дозволения испросили да общую домовину им поставили. Вновь курган насыпали. Говорят, чтобы духи на сынов своих не гневилась, добра всякого в домовины положили. Но есть особая ценность там, которая род наш, радимичей, до сих пор хранит.

- Какая? – с загоревшимися интересом глазами подались вперед мальчишки. Даже девочки тихонько сидели, внимая голосу волхва.

- Говорят, там «Узел Рода» хранится. Братья знали, что их роды будут разными, но память у них была одна. Но перед тем, как расстаться, их жены спели прошлое и будущее в узел памяти. И спрятали его в сердце кургана, который они насыпали своими руками. Когда насыпь стала высокой, как три избы, старейшина взял ларец с узлом и опустил его в сердце кургана. И сказал: «Пусть тот, кто придёт сюда с чистым сердцем и тяжёлой памятью, найдёт то, что ему нужно. А кто придёт с корыстью – пусть земля не даст ему опоры». И запечатал вход тем самым перстнем с печатью, который Радим с собой принес. До тех пор, пока он у истинного главы Рода хранится, сращивая плоть и землю, Род силен будет и жить будет в веках.

- А если он в чужие руки попадет? – тихо спросил Черныш. Волхв взглянул на него.

- Исчезнет тогда наш Род.

Дети тихо ахнули.

- Даже если вернуть его удастся? – негромко произнесла Нежана. Волхв покачал головой.

- Кто знает, что тогда нас ждет? Ведомо нам только одно: «Узел рода» только у хозяина истинного должен быть. Говорят, духи охраняют свою домовину, не допуская до нее тех, кто со злым умыслом приходит. И пуще зеницы ока «Узел» берегут.

Старик глубоко вздохнул, обведя взглядом детей и собираясь с духом, чтобы продолжить рассказ.

- С тех пор воинов и старейшин только в курганах хоронят. Да, видно, обиду духи затаили, что не до конца воля их была исполнена. Много в то лето в лесах да болотах сгинуло. Ворог все чаще до селищ наших добирался. Решили тогда поклониться Перуну. И он им наказал глубже в леса уходить. Послушались деды наши завета Перуна. Ушли с тех мест. Мирно и ладно жить стали. Да с хазарами вон в миру живем. Дань платим, а они нам защиту на путях торговых дают.

- А курган тот так и стоит? - Завид со сверкающими глазами подался вперед.

- Стоит, - старик протянул руки к огню.

- А что еще за сокровище там зарыто? – покосился на Завида Черныш, поигрывая коротким ножом. Футляр для него, с костяными накладками, лежал рядом. На шее мальчишки кра-

совался амулет из зуба медведя, волка и металлическая фигурка коня, что говорило о том, что его готовили в охотники. – Его найти можно?

Девочка отвлеклась от плетения венка и подняла на мальчишек взгляд.

- Вам бы только сокровища искать, - одернула она его, - может, нету там ничего. только домовины. Да духи пращуров наших, что землю-матушку нашу охраняют.

По губам волхва пробежала едва заметная улыбка. Он внимательно взглянул на девочку. Почесал бороду и окинул задумчивым взглядом сидящих вокруг него детей.

- Сокровище - не только то, что блестит, - мудро заметил он, - зачастую сокровище мы в себе бережно храним да другим показывать не желаем. А то, что в кургане Радима хранится... Оно не каждому в руки дастся. Только тому, кто с чистым сердцем и без жадности к пращурам на поклон придет. Кто же со злыми думами и корыстью, тот проклят будет.

Девочка вздрогнула и испуганно взглянула на волхва.

- И правда, проклят?

Старик кивнул.

- Молва идет, что тать* под покровом ночи, уходя от гнева князя, там на ночь остался. Решил найти то, что спрятано.

**(разбойник. Слово зародилось в праславянский период, хотя в письменных источниках датируется только с 11 века)*

- Нашел? - одними губами прошептала девочка.

- Нет, Нежа. В страхе с тех мест бежал. И те, кто с ним был. Кто из них в волчьей яме погиб, кто зверю лесному в лапы попался. А кто в болотах смерть свою нашел. Многие туда пытались ходить. Сокровище искать. Да многие только смерть и находили. Места там суровые. Гиблые. Не каждому духи путь укажут. А тот, кому уйти удавалось, страдал потом. Житья им на этом свете не было.

- Почему?

Волхв обнял девочку за плечи и легонько щелкнул по носу.

- Потому, Нежа, что Радиму жена его любя очень была. И до сих пор он защищает ее. Покой оберегает. Потому и не пускает никого до сокровища своего. Как зеницу ока хранит...

- А если смельчак найдется и не побоится вновь в ночи к тем курганам пойти? Сокровище забрать? – Завид даже поерзал на месте от нетерпения. Слишком уж заинтересовали его эти сказания о сокровищах,

- Ну коли сердце добротой жить будет, а помыслы чисты окажутся, - волхв внимательно взглянул на мальчика, - откроются ему пути к сокровищу истинному. Коли нет - падет на его голову и род его проклятие страшное. До седьмого колена страдать будут, пока кровью вину перед духами не искупят. А коли пробудят духов беды всех нас ждут....

Тут из темноты, словно вынырнув из самой тени леса, выступил силуэт. Это был один из охотников. Он подошёл к костру, подхватив Нежану на руки.

- Я не ждала, тятенька, - прильнула к отцу девочка, а он ласково потрепал ее по волосам.

- А я пришел.

- Про Радима слушать?

- Про него, - просто ответил ее отец. Его взгляд был тяжёлым, будто на плечах его лежала не только собственная судьба, но и груз всех позабытых клятв.

- Ты слышал эту историю не раз, - тихо сказал волхв, не поворачивая головы, будто ему не нужно было смотреть, чтобы знать, кто пришёл. - И всё же каждый раз смотришь так, будто ждёшь, что в ней появится новое слово.

Мужчина чуть наклонил голову.

- В ней всегда есть новое слово, - ответил он глухо. - Для того, кто готов его услышать. Говорят, что духи хранят не золото и не камни. Они хранят память. А память - она тяжелее любогоклада.

Нежана посмотрела на тятеньку с удивлением. В его голосе звучала такая глубокая печаль, будто он уже видел, как рушатся мосты между прошлым и будущим.

- Ты думаешь, кто-то снова пойдёт к кургану? — спросила она, понизив голос, словно боялась, что её услышит сама ночь.

Он ласково улыбнулся дочери и провёл ладонью по рукояти меча, лежавшего рядом. Этот жест был не угрозой, а скорее признанием: он знал, что впереди будет бой, и не только с людьми.

- Пойдёт, - сказал он. - Всегда найдётся тот, кто думает, что сможет обмануть духов. Или того хуже - тот, кто считает, что имеет право их судить. И тогда курган проснётся.

Черныш перевёл взгляд с одной на другого, и в его глазах уже не было прежнего азарта. Теперь в них читался настоящий, взрослый страх. Но вместе с тем - и решимость.

- А если кто-то пойдёт не за золотом, а чтобы понять? - тихо спросил он. - Чтобы узнать правду о наших дедах?

Волхв долго молчал, глядя на угли, которые тихо рассыпались в пепел.

- Тогда, может быть, духи и откроют ему свою тайну, - наконец произнёс он. - Но плата за знание всегда высока. И не всегда она измеряется серебром.

Пламя костра дрогнуло, будто само пространство прислушалось к этим словам. Где-то в глубине леса прокричала ночная птица, и этот крик прозвучал как предупреждение.

А курган стоял в темноте, молчаливый и древний, храня свои секреты и ожидая того, чьё сердце окажется достаточно чистым, чтобы услышать шёпот предков.

Глава 2

Глава 2+

(спустя несколько лет)

Снежок больно ударил в спину. Не успела она развернуться, как в плечо прилетел еще один. И еще.

- Аааа, - закричала она и, схватив с ближайшей ветки горсть снега, быстро смяла его в руках в комок и кинула в сторону выглянувшего из-за угла мальчишки.

- Вот тебе, негодник! - крикнула она, отбегая в сторону и вновь и вновь кидая снежки. Впрочем, в нее они летели не реже, если не чаще. Он что, заранее их налепил?

Нырнув за плетень, она крадучись пробралась до угла амбара, надеясь застать негодника врасплох. Ноги скользили по утоптанному снегу. Девочка цеплялась за плетень, ловко пригибаясь и балансируя, чтобы не упасть. Но громкий, пронзительный свист над головой заставил ее вскинуть голову, и в этот момент с крыши на нее свалился сугроб.

Этот злыдень просто напросто спихнул лопатой огромный снежный пласт. Девочка, увидев летящий ком, едва успела отпрыгнуть в сторону, чтобы не оказаться погребенной под ним. Но все равно ее сбило с ног. Она рухнула в сугроб. И снег придавил ее сверху. С крыши донесся веселый звонкий, полный злорадства смех.

Снег колючими иголками впился в кожу лица и рук, заставив задохнуться. Она яростно замолотила руками, откапываясь и отплевываясь, а над головой летел издевательский хохот...

Ну погоди, змей, пожалеешь еще!

Она выбралась из сугроба.

Несколько дней хмуро бродила, подглядывая за Чернышом, пытаясь придумать, как ему отомстить.

Случай представился неожиданно.

Она уже возвращалась домой от подружек, с которыми каждый вечер занимались вышивкой, когда заметила, вышедшего из хлева Черныша. Тот, опустив засов, что-то насвистывая себе под нос, убежал в лес. Нежана воровато огляделась. По губам девочки скользнула хитрая улыбка. Убедившись, что ее никто не видит, она подбежала к хлеву и откинула засов.

На улице уже серело, и слабый свет проникал внутрь, давая ей возможность видеть, устроенную на ночь живность. Заслышав скрип петель, закудахтали куры. Конь рядом мотнул хвостом, взглянув на нее мудрыми темными глазами. Нежана шире распахнула дверь и забежала по амбару, хлопая в ладоши и выгоняя на двор птицу, да коз. С ними выскочил и поросенок. Остальных она не стала трогать, уже было слышно, что, услышав ор, с той стороны хлева, в землянке спохватились. Сейчас набегут. А ее видеть не должны.

Нежана довольно окинула взглядом хлев и юркой мышкой скользнула вдоль стены, скрывшись в ее тени. В полуприседе прокралась до угла амбара и бросилась прочь. Пусть теперь Черныш сам разбирается, отчего скотина разбежалась!

Скатившись по двум ступеням вниз, толкнула дверь землянки, в которой она жила с матерью, ее новым мужем и его детьми от первой жены. После гибели отца, мать долго страдала и мучалась от тоски. Да еще с ней, маленькой, на руках осталась. Одной хозяйство вести тяжело. Сосед сжалился над молодой вдовой. Уговорил женой своей стать. С тех пор они жили в его землянке. Нежана не помнила того времени. Только по рассказам матери да старших братьев и сестер. Матушка всегда с благодарностью к новому мужу относилась. И ее к этому приучала. Говорила, многим ему обязаны. Не возражала, когда она его отцом звать стала. Лишь однажды, когда девочка его тятенькой назвала, поправила.

- Один у тебя тятенька, дочка. Тот, кто жизнь тебе даровал. Другого так не зови.

С тех пор у нее и был отец, что ее кормил, да защищал и тятенька. Тот, чья домовина в лесу, у болот стояла. К нему она повадилась бегать, особенно когда на душе тоскливо и горько было. Он ее оберегал. Ей всегда легче по возвращению становилось.

Сейчас же, разруганная с мороза и от своей выходки с бешено бьющимся в груди сердцем, она чуть ли не вкатилась в их землянку. Первая жена отца обернулась на грохот.

- Нежка! – вскрикнула она, - ох, дурная, напугала!

Нежана любила ее. Добрая, отзывчивая. Она ей, что старшая сестра была, учила ее и готовить, и вышивать. Секреты своего рода ей открывала. Матушка ее своим секретам учила, а Любава - своим. Не делала разницы меж ней и своими детьми. Мирно да ладно они жили. Если бы не Первак... Тот отчего невзлюбил малышку. Всегда норовил ей пакость какую сделать, за что часто от отца ему прилетало. Взрослея, он стал осторожнее. Но Нежана всегда настороже была. Приглядывала за ним, да к любой неожиданности готовилась. Да он вроде как отстал. Особенно после того, как про сокровища кургана прознал. Теперь ими на яву грезил. Все найти мечтал.

- Что опять чего-то натворила, вертихвостка, - хохотнул Первак, сидя за столом и грызя сухарь.

- Ничего не натворила, - вскинулась девочка, - просто... там мороз крепчает. Вот торопилась до дома добраться.

- А что там за шум? – Обернулся к приоткрытой двери брат. - Пойду-ка гляну. Выйдя из-за стола, схватил овчинную телогрейку и бесцеремонно толкнув ее вышел в ночь.

Нежана показала ему язык и стянула с головы теплый платок.

- Что там? – посмотрела на нее Любава,

- Да вроде как кто-то хлев не закрыл. Скотина разбежалась.

Любава опустила вязание и внимательно взглянула на нее. Перевела взгляд на дверь.

- Кто-то? – подозрительно спросила она. – Никак опять у Черныша что-то случилось?

- Не знаю, - девочка равнодушно пожала плечами и, схватив ковш, зачерпнула талой воды. - Я не смотрела. Домой спешила.

А поздним вечером лежала на своей лавке, под покрывалом, и вслушивалась в негромкие слова отца. Рядом мирно посапывали сестры. По стене плясали тени от горящей лучины.

- Говорят, Черныш хлев не закрыл, вот скотина и разбежалась. Ох и влетит ему, когда по утру воротится...

Глава 3

Глава 3 +

-Аааа.

Ее крик заставил подскочить всех. Даже младшая детвора, что на лавках у дальней стены, за очагом спала, уселась, пытаясь в темноте разглядеть, чего она так орет. Вспыхнула лучина, вырывая из тьмы рваные дрожащие тени.

- Нежанка, ты чего, приснилось что? - подошла к ней мать.

- Так чего визжать-то так, словно режут? - Недовольно буркнула третья жена, которую отец недавно умыкнул, - всех переполошила.

- А ты помолчи, Беяна, - отрезал отец и подошел к ней, держа в руках еще одну лучину. Склонился к ней.

- Чего ты кричала, дочка?

- Там... Там... - девочка всхлипнула и дрожащей ручкой указала на свою лавку. Отец молча перевел взгляд и, протянув руку, откинул легкое крапивное покрывало. Мать негромко вскрикнула, прикрывая рот рукой. А отец замер. Мгновение молча смотрел перед собой. Потом странно хмыкнул и поднял за хвост дохлую мышь.

Девочка отскочила в сторону, прячась за спину матери.

- Как она тут оказалась? - вынырнул из-за плеча Первак, недовольно глядя то на несчастного погибшего зверька, то на сестру.

- Я откуда знаю!

- Сама небось притащила, а теперь нам спать не даешь?

- Зачем мне это надо? - оцетибилась девочка и злобно прищурила глаза. – Может, этот ты его мне подкинул?

- Да ты рот закрой, визгопряха...

- Успокойтесь! - оборвал их отец. - Первак, унеси, - он не глядя сунул мышь в руки старшего сына. Сам же посмотрел на дочь.

- Значит, не знаешь?

Нежана потупилась и покачала головой. Рыжие локоны вспыхнули в свете лучин.

- Я вот тут от соседа нашего слышал, что кто-то всю рыбу, что сын его Черныш за утро наловил обратно в реку выпустил. Пока он к брату отлучился, недруг подкрался и ведро перевернул.

- Так может оно само... Упало, - пискнула девочка, прячась за спину матери и стараясь не смотреть на его суровое лицо.

Отец и мать переглянулись. Мать едва заметно покачала головой. Отец же вновь посмотрел на нее.

- А силки в лесу, что он ставил, тоже сами по себе распустились?

Девочка кивнула, стискивая во вспотевших ладонях подол рубахи и не смея поднять взгляд на родителей. Отец тяжело вздохнул и почесал лоб.

- Тогда, видать, и поленница, что Черныш складывал, сама рассыпалась, - предположил он.

Мать едва сдержала нервный смешок, а Нежана рьяно закивала головой.

- Сама-сама. Он просто неумеха. Неправильно дрова складывал. Вечно куда-то спешит. Торопится. Вот и не получается ничего у него.

Внезапно она оказалась в крепких объятиях отца. Уткнулась носом в его рубаху, пахнущую дымом костра и смолой.

- Ладно. Коль он такой неумеха... Зато дочь у меня-краса ненаглядная. Ловкая. Смека-листая. И чего только Черныш тебе все время пакостит?

Нежана расцвела от похвалы отца и обхватила его тоненькими ручками.

- Дурной он, - пискнула девчонка, - все лисицей меня кличет. За то, что волос такой. И другие тоже...

- Потому у него все и не ладится, да? - глубокомысленно заметила мать, со смешинкой в голосе. Впрочем, девочка этого не заметила.

- Я на капище бегала. Богам дары отнесла. Вот они и наказывают его.

- Так это не наказание, а баловство, - заметил с порога вернувшейся Первак, - я вот тебя такому научить могу, что Черныш этот больше...

- Первак, - тихо оборвал его отец, резко вскинув голову, - не смей дурному учить. Сам по-мужски с ним разбирайся.

- Разберусь. Мал он еще, чтобы по-мужски с ним глаголить.

- Так и ты еще недорос. Борода то только-только расти начала. А Черныш не намного младше. Глядишь и у него расти начнет. А уж по смекалке да уму и тебя обойти сможет, - вставила третья жена. Первак сердито зыркнул на нее, явно намереваясь ответить грубо. Остановил его хлопок. Это отец с силой ударил себя ладонью по колену.

- Хватить грызться. А ну по лавкам. Спать. Скоро петухи первый раз кричать начнут. Дел с утра неспрово́рот. Разошлись.

Он задул лучину. Нежана опасливо провела рукой по лавке, и стряхнула покрывало, прежде чем вновь забралась под него. В ее голове роилось множество мыслей, как отомстить этому подколодному змею, за подброшенную ей мышь. Так и не придумав ничего путного, она вскоре заснула. И снилось ей, что стоит она в поле. Теплый ветерок трепал выбившиеся из косы рыжие локоны. Она медленно бредет к поросшему травой кургану, окруженному стран-ным белесоватым свечением. Девочка хотела остановиться, убежать, но ноги словно каменные стали. Тяжестью налились. Она шага назад сделать не могла. Только вперед. И она шла вперед, словно манило ее туда что-то. Ей, с одной стороны, было страшно, и в то же время хотелось увидеть то, что спрятано в самой глубине кургана. Там, где покоится прах их предка. Радима...

Глава 4

Глава 4

Нежана уже второй день не могла спокойно ходить по двору. После рассказа волхва о духах, которые в нем обитают, ей хотелось их задобрить, чтобы ни зло в дом не пускали.

В голове звучали слова: «Духи двора любят тепло и сытость. Разведи костер и брось в него зерно. Вот дом и будет под защитой».

Наконец решившись, девочка решила все сделать так, как говорил волхв. Выбрала место на земле, там, где она была утоптанной. Наломала веток, аккуратно их сложив и положив сверху пучок сухой травы. Бросила туда горсть ячменя, что из закромов стащила.

Только вот как разводить огонь, она плохо знала. Ей еще не доверяли этого. В доме огонь разводили взрослые, а у нее из инструментов был только кремь

- Ну давай, загорайся, - шептала Нежана и усердно терла камень о камень, пока искры сыпались ей на подол. Вскоре одна из них попала на сухую траву и вспыхнула, вызвав восторг у девочки.

Она радостно запрыгала вокруг костра.

- Я же говорила! – радостно хлопала она в ладоши. - Сейчас духи будут довольны!

Но пламя, вместо того чтобы чинно сидеть на костре, потянулось к соломе у стены, к связке сухих веток. И вот уже веселый огонек норовит перекинуться на край амбара. Проходящие в этот момент мимо мальчишки замерли, с ужасом глядя на то, что она устроила. Один из них рванул вперед с диким криком:

- Что ты творишь, дурная? Сейчас половину селища спалишь!

Нежана испуганно отскочила в сторону, глядя на бегущего и орущего на нее Черныша.

- Я духов кормлю. Они любят огонь! – крикнула девочка, не выпуская из руки горсть зерна.

- Они любят, когда их не сжигают вместе с двором, - Черныш подскочил к ней и, бесцеремонно схватив ее за плечо потащил в сторону, пока его товарищи сбивали огонь и заливали ее костер водой. Трава шипела, выпуская сизый дым, который лез в нос и заставлял глаза слезиться. Но огонь послушно сдавался.

- Ты хоть знаешь, что такое «задобрить»? - пыхтел Черныш, бросая комья земли в тлеющие угольки. - Это не значит сжечь все вокруг!

- А как тогда? – обиженно надула губки девочка. – Волхв сказал развести костер и...

- Развести там, где ничего не горит! – заорал Черныш, наступая на нее. – Слушать надо, а не в облаках летать.

- Я не летала! – насупилась она, а в глазах заблестели слезы, - я хотела как лучше!

- Ага, как лучше, - фырчал парень, - лучше бы ты к волхву пошла и спросила, как надо.

- А ты знаешь, как надо? – вскинулась девочка.

Клубы пара от мокрой травы поднимались в сумерки, смешиваясь с запахом гари и сырой земли. Нежана стояла у поленницы и смотрела то на потрясенных мальчишек, застывших неподалеку, то на почерневшие головешки, будто боялась, что те снова вспыхнут по её вине.

Черныш отряхнул ладони, посмотрел на неё и, заметив в ее руке горсть зерна, вдруг фыркнул:

- Ну вот, теперь духи двора точно обидятся. Ты им зерно не бросила, я им воду вылил. Кто ж так с хозяевами двора разговаривает?

Нежана вскинула голову, пряча смущение за сердитым видом:

- Я не виновата, что пламя вдруг прыгнуло, как бешеный кот! Я всё делала, как волхв рассказывал: костёр у ворот, горсть зерна... А оно - хоп! - и по траве побежало.

- Хоп? - Черныш приподнял бровь. - Да оно не хоп, оно чуть весь сеновал не обняло. Если б я не успел...

- А ты не ты не ворчи на меня! - буркнула Нежана.

- Ворчать? Да я.... - Черныш закатил глаза и хлопнул себя по лбу. - Духи любят уважение, а не пожар.

- А я думала, чем жарче, тем они довольнее! - Нежана топнула ногой и тут же пожалела: не заметила камень и чуть не растянулась. Черныш едва успел подхватить её за локоть и тут же отпустил, будто обжёгся.

- Вот видишь, - сказал он нарочно строго, но в голосе уже проскакивала усмешка, - духи тебе знак дают: не торопись. Сначала думай, потом зерно кидай.

Нежана фыркнула, потёрла локоть и покосилась на него:

- Ладно, признаю. Может, я немного... чересчур перестаралась. Зато теперь духи точно запомнят: Нежана старалась.

- Теперь они запомнят, что Нежана чуть не сожгла половину двора, - хмыкнул кто-то из парней. Черныш шикнул на него.

- Ну, ладно. Раз уж мы их так сильно впечатлили, надо хоть как-то помириться. Ждан! Принеси мед!

Его приятель кивнул и метнулся к своему двору. Остальные мальчишки разбрелись, посмеиваясь и подраживая ее.

- Лисица в огонь полезла, - смеялся один, - шкурку свою решила подпалить.

- Паленая лисица, - смеялся другой, - мех рыжий сильно обгорел? Теперь ты не лисица, а обгорелый хвост, - хохотали мальчишки.

Девочка зло вспыхнула и хлопнула носом. С одной стороны, она понимала, что виновата, но с другой было обидно, что эти мальчишки видели ее позор. И этот Черныш теперь вместо нее духов задабривать будет.

Надув щеки, она смотрела, как он собирает веточки с земли и аккуратно складывает их в кучку, но не разжигает.

Прибежавший Ждан протянул ему небольшой горшочек.

- Что это? — подозрительно спросила Нежана.

- Мёд. От бабки. Говорит, если духи обиделись, надо не огнём их задабривать, а сладким.

- И что, просто поставим и уйдём?

- Не просто. Надо сказать правильно.

- Ты знаешь как?

Черныш на секунду замялся, потом расправил плечи и гордо, со знанием дела произнес:

- Знаю. «Хозяева двора, простите за шум и жар. Примите угощение, будьте к дому добры».

Нежана слушала, поджав губы. Все-таки хорошо, что он успел пожар потушить. Но вот то, что он над ней смеется, задело ее. Считают ее неразумной и дурной. Ну она еще им покажет. Девочка покосилась на Черныша. А все-таки спасибо ему, подумала она.

Правда вечером, когда взрослые вернулись домой, она уже всей душой люто желала Чернышу самого сурового наказания. Например, чтобы на него напал рой пчел. Или чтобы в лесу ему одни поганки попадались. Или, чтобы жена ему досталась такая, чтобы он покоя никогда не знал...

Глава 5

Глава 5

Матушка Черныша велела ему отнести слепленные глиняные горшки и корчаги для хранения зерна в печь. Нежана слышала этот разговор, неся воду из реки к дому. Ее глаза вспыхнули. Ну припомнит она ему мышь!

У них женщины лепили посуду в одном месте. На окраине селища, в специально построенной полуземлянке, истобке, с огромным отверстием в крыше для выхода дыма. Там всегда поддерживали огонь, чтобы жарко было. Вот туда-то и помчалась Нежана, едва поставила тяжелые деревянные ведра на крыльцо.

В центре был сложен очаг из речных валунов. Он был другим, не таким, как в их жилищах. Он напоминал два очага, построенных один над другим. Как правило, изделия размещались на верхнем уровне, а на нижнем располагались дрова. Между уровнями находилась глиняная перегородка с отверстиями, через которые проходил горячий воздух. Сильного огня не требовалось, надо было лишь досушить почти готовые изделия. Потому Черныш лишь поворошил кочергой полусгоревшие дрова и ушел, уверенный, что все теперь будет хорошо.

Нежана, воровато оглядываясь, скользнула внутрь, прихватив по дороге пару поленьев, и юркнула к очагу. Раздув огонь, она выпрямилась, с довольным выражением наблюдая, как разгорается пламя. Отряхнув руки, девочка выскочила во двор и тут же угодила в руки этого змея. Она-то думала, что он ушел!

- Ты что тут делаешь? - он буквально впился в ее руку.

- Пусти, злыдень, - вырвала руку девочка, отпрыгивая в сторону, - матушку твою ищу.

- Она в лес пошла, хворосту набрать, - качнувшись на пятках, бросил он. Нежана злобно окинула его взглядом, пятясь от него. Почуввав неладное, Черныш внимательно оглядел ее.

- Чего сажа на лице, - подозрительно щурясь спросил он. - Натворила чего?

Он покосился на дверь истобки, где селяне просушивали свою посуду, доводя ее до готового состояния. По его лицу пробежало сомнение.

Нежана рванула прочь, но он оказался проворнее. Прыгнув на нее, повалил на землю и, схватив за руку, поволок за собой. Девочка сопротивлялась изо всех сил, громко вереща. Ноги скользили по мокрой земле. Время от времени она молотила его по спине или старалась подставить подножку, но он все же впихнул ее внутрь землянки, буквально ввалившись следом. Его глаза расширились, стоило увидеть ярко полыхающий в очаге огонь.

- Ах ты... Это же матушка делала! Что ты натворила?

Он бросился к ней. Нежана отскочила прочь, успев схватить горящее полено и выставив его перед ним.

- Не подходи! - крикнула она. - Не я это. Тут уже огонь пылал, когда я пришла.

- А то, кто же, ежели не ты? Некому больше!

- А у тебя только я во всех бедах виновата? Сам не доглядел, а на меня рычишь.

- А чего ты тут делала?

- Не скажу, - она ткнула в его сторону горящим поленом, не обращая внимания на сыпавшиеся с него на земляной, с остатками соломы, пол искры. Солома под их ногами вспыхнула, и мальчишка принялся яростно топтать ее, сбивая огонь.

- Дурная, полено брось!

- И ты тут же меня сцапаешь!

- Нужна ты мне, - заорал он, - пожар сейчас устроишь.

Девочка покосилась на то, как он яростно притопывал, гася вспыхнувшие на полу остатки соломы. Поняв, что до беды недалеко, она кинула полено обратно в печь и, развернувшись, выскочила во двор.

Убежав в лес, сидела там до темноты, страхась вернуться. Ведь не сдобровать ей за то, что чуть не натворила. А если Черныш не успел погасить пламя? Что если селище пострадало?

Она кинула взгляд на садящееся солнце и со вздохом направилась обратно. Не жить же ей теперь в лесу. Надо возвращаться. И признаться в том, что натворила. А все этот змей, Черныш, виноват! Вот чего он ее так злит? Не лез бы к ней, не дразнился бы, и она бы ничего не натворила.

Пожара не случилось. У нее от сердца отлегло, когда она увидела, что с селищем все в порядке. Ей бы к волхву сходить, покаяться. Да духу не хватает. Может, поутру?

Она тихонько проскользнула в свой дом. Кинула взгляд на лавку. Ложиться еще рано. Ей бы делом заняться, чтобы от мыслей ненужных отвлечься.

Вскоре она сидела за дубовым столом, перебирая зерно, и вслушивалась в тихий разговор отца с матушкой. Оказывается, Черныш никому не обмолвился о том, что это она причина чуть не случившейся беды. Смолчал. Хотя ему здорово влетело от его матушки за испорченную посуду.

Десять плетей.

Да, матушка Черныша была сурова. Сердце девочки замирало. Она очень боялась, что мать парня явится на порог и достанется еще и ей. Дни шли, но ничего не происходило. Лишь Черныш, проходя мимо, показано морщился, поводя плечами и окидывая ее странным взглядом.

Однажды, когда смеркалось, она возвращалась, покормив кур, когда ее внезапно резко дернули в тень и прижали к стене, зажав рот рукой.

- Довольна? - просипел ей на ухо Черныш.

Нежана попыталась куснуть его за ладонь. Черныш лишь дернулся и сильнее вдавил ее в деревянную постройку. Его дыхание обожгло ее ухо.

- И как тебе, хорошо? - прошипел он. - Ночами спокойно спится?

- Лучше, чем раньше, - ей все-таки удалось отвернуть голову, после чего она впилась в его ладонь зубами. Черныш глухо застонал, слегка ослабив хватку, чем она тут же воспользовалась: оттолкнула его, как-то уж чересчур легко, словно он и не удерживал, и отбежала.

- Очень сладко спится, змей. Даже лучше, чем раньше!

Она видела, что он стоит напротив, замерев, словно врос в землю. Чувствовала на себе его взгляд. Настороженно сделала пару шагов назад.

- Иди, иди, - приглушенный голос парня, - да помни. За тобой должок...

- С чего вдруг? - вскинулась девочка.

- Так я не ты наказание понес.

Она презрительно фыркнула и отступила еще на несколько шагов.

- Мог бы и сказать. Все равно никто бы не поверил. Не было меня там!

- Но ведь правда обоим нам ведома, да... Огонек?

Она напряглась, услышав новое прозвище. Не сдержавшись, показала ему язык.

- Правда у каждого своя, змей. Не тебе меня уму-разуму учить.

Она видела, как он двинулся в ее сторону. Испугавшись расправы, крутанулась и бросилась прочь.

- Беги, Огонек, - крикнул он вслед, - все равно правда на моей стороне будет.

Глава 6

Глава 6

(спустя еще какое-то время)

И чего ему ночами не спится?

Нежана заправила за ухо непокорную прядку и, зевнув, выглянула из-за дерева. Куда, интересно, он собрался?

Нет, ей совсем было не интересно, чем занимается Черныш и с кем встречается. Просто... просто, она случайно пробежала мимо, когда увидела, как он, схватив один из ножей, которые натачивал, шмыгнул в лес. Уж явно не на встречу с девицей. На такие встречи ножи не берут.

Да и вряд ли он с девицей пошел миловаться. Хотя... ему ведь по осени имя новое дадут. Он тогда уже и жену умыкнуть сможет. Может, приглядел кого?

Как-то сдавило в груди. Неприятно так, словно палец дверью прищемило. И на глаза слезы навернулись. Ну погоди!

Она побежала за ним и лишь когда поняла, что он на берег идет, притормозила. Осторожнее стала пробираться среди кустарников да деревьев, стараясь, чтобы ни одна ветка под ногой не хрустнула.

Последнее время кто-то разбойничать у них на реке начал. Рыбу из сетей таскать. Уже дважды по утру пустые сети находили. Да еще и ножом порезанные.

Нежана негромко вскрикнула и тут же зажала рот рукой, вжавшись в ствол ближайшего дерева. Неужто Черныш... Но зачем?

Вот ведь, кощей. Ну она сейчас за ним проследит, а потом волхву все молвит. Пущай он ответ пред всеми держит. Такое зло творить!

Девочка ловко поднырнула под низкие ветки и тенью заскользила следом.

Притаившись на берегу, видела, как Черныш вышел на берег. Окинул взглядом ставные сети, установленные вдоль течения реки. Прошелся по берегу, высматривая что-то под ногами. И лишь потом забрался под корни росшего на берегу старого дуба. Часть земли из-под него вымыло весенними паводками и затоплениями. И теперь он образовал что-то вроде шалаша, в котором вполне мог укрыться кто-то не очень высокого роста. Например, молодой парень, еще только-только вступающий в пору зрелости.

Нежана хмуро смотрела на реку. Ее смущало странное поведение Черныша. Что он удумал? Или сети еще пусты?

Девочка бросила взгляд на стремительно темнеющее небо. Скоро ночь. До дому бы успеть вернуться. Но желание узнать, что задумал Черныш, пересиливало все остальное. Она устроилась удобнее и принялась ждать. И сама не заметила, как уснула.

Проснулась от утренней прохлады и звуков драки. Сонно зевнула, потерла глаза кулачками и присела, выглядывая из своего укрытия. Ярило только-только начал окрашивать землю золотистыми лучами.

На берегу дрались двое. Черныш, этого она сразу узнала по черным, как смоль, волосам, и еще какой-то мальчишка, в изодранной одежде и слишком уж худощавый. Нежана привстала, чтобы лучше рассмотреть драку, как вдруг вокруг не обвилась чья-то рука, а другая зажала рот, сдерживая рвущийся из груди крик. Она забрыкалась в руках незнакомца, когда ее потащили к берегу, туда, где Черныш уже повалил на землю своего противника, навалившись на него сверху.

- Отпусти его. Иначе твою подружку порежу!

К ее шее прижался острозаточенный нож. Нежана увидела, как вскинул голову Черныш, резким движением откидывая упавшие на лицо волосы. Как его взгляд скользнул к ней. Его лицо скривила презрительная гримаса. Она была уверена, что парень не отступится от своего, не отпустит противника. Но Черныш неожиданно поднялся, отпуская его и отступая на шаг.

- Девочку пусти, - коротко бросил он, тяжело дыша и не сводя с того, кто ее удерживал, злобного взгляда.

- Бруш, поди сюда.

Тот, с кем совсем недавно дрался Черныш, медленно поднялся и, прихрамывая, направился к ним. Стоило ему отойти от Черныша, как нож с ее шеи исчез и ее сильно толкнули в спину. Она пролетела несколько шагов вперед и, спотыкнувшись, рухнула на колени, расцарапывая руки.

Черныш спокойно подошел к ней и, схватив за плечо, дернул на себя, толкнув за спину.

- Вы кто такие? – бросил он.

- Из кривичей мы, - ответил один из них, а Нежана смогла рассмотреть, что оба парня были в грязных, рваных лохмотьях. Да и слишком истощены, чтобы вступать в драку с таким, как Черныш. Он явно был сильнее и упитаннее их обоих.

- На нашей земле зачем разбойничаете?

- Селище наше сторело. Мало кого осталось, - обижено проговорил тот, которого Брушем называли, - вот пошли по земле приют искать.

- Не разбойничаем мы. На лесах да болотах уж не первый восход встречаем... есть хочется...

- Зачем сети рвете?

- Так не со зла. Случайно вышло.

Черныш почесал нос и обернулся к ней.

- Беги в селище. Да еды принеси, так, чтобы никто не заприметил. И гляди, никому не рассказывай про то, что случилось.

- Почему? – она недоуменно посмотрела на него, моргнув длинными рыжими ресничками.

- Вернешься, расскажу. Беги. Скоро встанут все.

Нежана бросила взгляд на пришлых и бросилась в лес. Добравшись до амбара, набрала яиц, перелила в кувшин вчерашнего молока да тихонько в землянку прокралась. Отломила горбушку хлеба.

Выскользнула обратно и, сложив все в лукошко, побежала обратно. Отчего-то не хотелось ей Черныша одного с этими пришлыми оставлять.

Выскачив на берег, она увидела парней, сидящих кружком и о чем-то мирно беседующих. Перешла с бега на шаг. Тихонько подошла ближе, став за спиной Черныша.

Он посмотрел на нее снизу и забрал корзинку из рук.

- Благодарствую, - тот парень, что был постарше, поднялся и поклонился, - ты уж извини, девица, что напугал. Да брата вызволить хотел. Уж больно ловкий у тебя любый. А мы уж долго плутаем. Устали.

- Я не сержусь, но Черныш мне не...

- Лиса, сядь рядом, - оборвал ее Черныш, дернув за подол. Она стрельнула на него недовольным взглядом, но подчинилась. Присела.

- Молчи, - прошипел ей на ухо Черныш.

- Лиса? – хохотнул парень, протягивая брату кувшин с молоком и краюху хлеба, - а меня Волком кличут.

Нежана всмотрелась в парня. Темные волосы, собранные в хвост. Не такие, как у Черныша, светлее. Скорее, как кора сосен после дождя. И брат его такой же. Смешной. Сидит, за

обе щеки хлеб уплетает. Вон и молоко на усах белыми полосками застыло. Видно, и правда долго блуждали. Оголодали.

- На нее зариться не смей, - склонился вперед Черныш, не сводя с Волка тяжелого взгляда.

- Не буду, - кивнул Волк, - не гоже на добро злом отвечать. Ты не осудил. Понял. Прости, что невольно Роду твоему беду принесли.

- То не беда, - отмахнулся Черныш, - но уйти вам надо. Нечего вам тут хозяйничать. Наша эта земля!

- Ушли бы, коли бы путь указал.

- Укажу, - кивнул Черныш, - до излучины доведу, а там дальше сами.

- И на том благодарствуем.

Парни поднялись. Нежана встала следом, глядя на повернувшегося к ней Черныша.

- Возвращайся назад. Да пока никому ничего не рассказывай. Вернусь, сам все расскажу.

Она только пожала плечами, и, стоило парням скрыться среди густой листвы, побрела назад. А странный этот Черныш. Не повел пришлых к волхву. Накормил. Да путь обратный указал. Хорошо, что хоть сети больше портить не будут, да рыбу воровать. Заживут теперь мирно да ладно.

Глава 7

Глава 7

- Нежанка, слышала, что творится! – она устало разогнулась, вытирая рукавом пот со лба. С самого утра она с сестрицами трудилась на поле. Погода стояла хорошая. Жаркая. Надо было успеть убрать овес да ячмень, просушить в овинах да зерно получить. А они еще и половины поля не прошли. Нежана усталым взглядом окинула колосющийся овес.

- Нежанка, ну Нежанка! - дернула ее за руку сестрица.

- Что? – обернулась к ней. Опять какую-нибудь глупость принесла. Трещит, как сорока.

- Слышала, поймали того, кто сети портил.

Нежана замерла, сжав сильнее в руке серп. Как поймали? Ведь Черныш еще с самого утра провожать пошел пришлых с их земель.

- Поймали. Им Черныш оказался. Его твой брат у сетей поймал.

- Как Черныш?

- Ага. Первак на него набросился. Ну они и подрались. Мужики понабежали.

- А Черныш что?

- Молчит. Ничего не говорит. Говорят, за такое и руки отрубить могут.

Ноги у Нежаны подкосились.

- Что с тобой? - обеспокоенно спросила сестрица, заметив, как она побледнела.

- Ничего... Перегрелась. Ярило-батюшко уж больно жгуч сегодня, - она обвела невидящим взглядом поле. Как же так? Ведь не виновен он. А ему руки...

- Послушай, малая, - Нежана сунула ей в руки серп, - поработай за меня.

- А ты куда?

- Я... тут вспомнила кое-что... меня матушка просила... Поработай, - она сжала плечи сестренки, легко поцеловав ее в щеку.

Земля горела под ее ногами, пока она бегала в поисках отца. Все боялась не успеть.

- Отец!

Она увидела его стоящим в толпе и о чем-то переговаривающимся с волхвом. Он обернулся, услышав, что его кличут, и Нежана буквально врезалась в него.

- Пожалуйста. Позволь молвить, - запыхавшись, выдохнула она. Отец кинул взгляд на других и, крепко сжав ее плечо, отвёл в сторону.

- Не Черныш сети портил, - выдала она, - мы с ним поутру пришлых поймали. Они заплутали у нас. Вот и воровали рыбу. Сети случайно порвали.

Глаза отца сузились.

- Где они?

- Черныш их отпустил. Дорогу им указал. Велел больше на нашей земле не появляться.

Отец задумчиво глядел на нее.

- Сказали, откуда они?

- С верховьев Сожа, что севернее. У них пожарище случилось, многие погибли. Остальные разбрелись.

Он повернулся в ту сторону, про которую она молвила.

- С верховьев, значит... А чего ж тогда, Черныш твой смолчал о том, когда Первак его винить начал?

- Не знаю. Знаю только, что не виновен Черныш. А Первак его всегда недолюбливал. И все норовил подставить, зло учинить.

- Хм... - отец почесал бороду, - есть правда в твоих словах. Да и Черныш виноват. Не в том, что вину на себя взял, а что смолчал про пришлых. Хотя мы с ними и торгуем, но все же стороной ходим. Они не просто так могли у нас появиться.

- Но не рубить же ему руки, - вцепилась в рукав рубахи, с мольбой глядя на отца. Тот похлопал ее по сжатым пальцам.

- Не будут ему руки рубить. Но наказание понесет. Чтобы впредь думал, кому помочь, а кого отвадить.

- Отец.

- Иди. Обойдется все с твоим Чернышом. Жив-здоров будет.

Обняв отца, Нежана собралась было уходить, но замерла. Посмотрела на отца через плечо:

- И он не мой. Просто не справедливо, ежели он за других пострадает.

Отец кивнул, провожая ее взглядом. Хмыкнул, потеряв подбородок, и по-доброму улыбнулся своим мыслям.

- Ну-ну... Не твой... Посмотрим, что через лето другое, говорить будешь...

- Черныш?

Тишина. Девочка сильнее толкнула дверь амбара, зайдя в мягкую полутьму. Здесь пахло сеном. Привычный с детства аромат. Поморгала глазами, привыкая к полумраку, и только тогда разглядела лежащего на соломе парня. Робко подошла к нему. Он не шелохнулся. Все еще не пришел в сознание после того, как его прилюдно высекли. Отец сдержал слово: не стали Чернышу рубить ни уши, ни руки. Но она не смогла заставить себя смотреть, как его наказывают. Убежала в лес. И лишь когда поняла, что все закончилось, осмелилась вернуться в селище.

Черныша унесли в амбар, оставили там приходить в себя. Она слышала разговоры других: говорили, что малец ни звука не издал. Как настоящий воин наказание сносил. Многие ему в войско идти советовали. Уж больно силен и телом, и духом становился. Такой землицу родимую свято хранить будет да от недругов да ворогов защищать.

Да уж и возраст подходящий. По осени пора ему имя менять. Мужем становиться.

Присев на пятки, Нежана осторожно потянулась к его спине, на которой яркими полосами горели следы кнута. Отчего-то вспомнилось, как он пострадал тогда из-за нее, когда она сожгла назло ему всю посуду, то его матушка делала.

Поднявшись, набрала в ковш чистой воды и, смочив льняную тряпицу, осторожно стала промакивать его раны.

- Кто здесь? - сиплый голос парня напугал, заставив вздрогнуть. Мокрая тряпица упала в ковш, расплескав воду.

- Я... - тихо отозвалась Нежана.

- Лисица? Ты что тут делаешь?

- Мне волхв травы дал и мази. Раны твои залечить... Черныш, отчего не признался, что не ты сети портил?

- Так надо, - он перевернулся на бок и осторожно сел.

- погоди я же еще не промыла раны.

- Не надо. Заживет

- Надо. И не спорь. Промою и мази из трав наложу. Меньше болеть будет. Заживет скорее. А еще ты бы на капище ходил. Жертву богам принес.

- Схожу, - недовольно буркнул он и поморщился от боли в спине, - ладно, давай, мажь.

Он склонился вперед, оперевшись локтями в колени и подставляя ей спину.

Перебросив косу за спину, она стала осторожно наносить пахнущую медом мазь на свежие раны.

- Я Перваку в тюрю* завтра мух дохлых насыплю. За то, что он тебя вором назвал...

Тюря (мурцовка). Незамысловатая похлёбка с хлебом и квасом, в которую могли добавлять масло, травы, лук, яйца, а позже — огурцы, редис

- Не надо. Только на тебя злиться будет.

- Не поймет, что я...

- Поймет. Не надо. Сам с ним разберусь.

- Ой ли... тебе еще, вон, зажить надо. Двигаешься с трудом.

- И заживу. Подумаешь, пару раз кнутом по спине прошлись, - он дернул головой и тут же поморщился, - а с братом твоим сам потолкую. Не лезь.

- Почему? - Отставляя в сторону горшочек с мазью и вытирая руки расшитым полотнищем, спросила она.

- Что почему? - натягивая рубаху через голову и приглаживая растрепанные волосы пятерней спросил он.

- Почему ты их отпустил?

- Они многое мне поведали.

- И что?

- Знаешь, у них, на Слаутиче, град стоит. С теремами. Люда много там разного живет. Они его Смоленском величают. Гостей с разных земель много. И ляхи и хазары. И словенские племена. По реке путь великий идет. Товары с разных земель везут. Диковинного товара. Мы такого не видывали.

- А нужно нам его видеть? - тихо сидя рядом, она смотрела на Черныша. Его лицо покраснело, глаза возбужденно блеснули. Он словно представлял этот град с его диковинными товарами и теремами.

Черныш посмотрел на нее.

- Я видеть хочу.

- Зачем? - пожала плечами девочка. - Живут люди. У них свои обряды. У нас свои. И боги у нас разные. К чему нам знать, как они живут.

- Ох и дурная ты, лисица, - рассмеялся Черныш. - Не чужие они. Братья наши. Что не видишь, сколько жен оттуда привели?

- Так ты жену искать себе на чужбине собрался? - вспыхнула девочка.

- Нет. - нахмурился Черныш. - Просто увидеть хочу. Мир посмотреть.

- Вот и смотри, - она вскочила на ноги и сердито посмотрела на него сверху, уперев руки в бока, - можешь и не возвращаться. Но помни, чужбина никогда лучше матери родной не станет. И жену краше и милее наших девиц на всем белом свете не сыщешь. Так что иди. Ищи. Да только когда воротиться, уже поздно будет.

- Так я из наших девиц тоже жену умыкнуть могу. Вторую и третью.

Нежана залилась краской.

- Ага, коли пойдут за чужака.

- Вот ворочусь и посмотрим.

- Вот вернись и посмотрим! - Топнула ногой Нежана. Открыла рот, явно горя желанием что-то сказать. Но только махнула рукой и убежала, оставив парня в задумчивости сидеть одного.

Глава 8

Глава 8

- Ты тут чего делаешь?

Девочка закричала и отскочила в сторону.

- Чего орешь, визгопряха?

От домовины, стоящей у сосны, отделилась темная фигура, двинувшаяся в ее сторону. Солнце уже давно село, и теперь привычные ее взгляду домовины казались ей устрашающими лесными монстрами.

- Черныш? - она узнала его голос. - Сам-то чего тут разгуливаешь?

Она старалась унять охвативший ее страх и не показать его тому бесящему ее до скрежета зубов мальчишке. Хотя, какой он мальчишка. На три лета старше ее. Ему уж шестнадцатая весна шла. Подружки ее с него глаз не сводили. Каждая женой хотела стать. Хоть второй, хоть третьей. Да он все мимо ходил. Только смеялся да дразнил их. Ни чей венок на Купало не брал и никого так еще и не умыкнул.

Она помнила, о чем он ей рассказывал. Уходить он хотел. Покинуть лес. На другие земли посмотреть. Узнать, как там живут. А что в том необычного? Живут и живут. Не хуже их, поди. А из лесу уходить страшно. Тут каждое деревце тебя защитить да от врага укроет. А там говорят, места пустынные, дикие. Где укрыться?

- Лисица, чего молчишь? Али язык проглотила?

- Щас тебе, проглотила. Не дождешься!

- Чего голос дрожит?

Вот же настырный. И чего ее в покое не оставит? Она опасливо огляделась. Темные стволы деревьев, уносящиеся в черноту безлунного неба с редкими звездами. Чуть позже их больше станет. И своим светом они немного осветят ее путь. А пока лишь эта тьма.

Черныш шагнул ближе.

- Чего возле домовин в ночи делаешь?

Она взглянула на него.

- Тебе что за печаль?

- Пойдем домой отведу.

Она отклонилась от его руки, не давая ему ухватить ее.

- Неет. Не хочу. Здесь буду.

- Здесь? - в его голосе слышалось недоумение.

- Дда... Я до тятеньки дойти хотела... не успела...

Повисшая тишина давила не хуже тьмы.

- Опять Первак из дому выгнал? - тихо спросил он, - в тот раз тоже так было, когда отец твой с матерью за новыми товарами пошли.

- Откуда знаешь? - насупилась девочка, глотая невольные слезы.

- Да уж не в первый раз тебя здесь застал. Думал, ты просто к тятеньке ходишь. Потом еще раз видел. И вот сейчас... Чего он злобствует?

- Не понравилось, как рубаху ему заштопала, - всхлипнула девочка, - мол стежки кривые, нервные.

- Рубаху? - в его тоне звучали недоверие и гнев, - из-за рубахи он тебя на погост погнал?

- Нет, нет. Я и в амбаре могла спать... Просто... тут тятенька родной. Вот к нему... Под защиту.

Она смахнула слезы с ресничек, видя, как парень растерянно оглянулся.

- Там твой тятенька. Малость не дошла. Пошли.

Он снова протянул ей руку. Ладонью вверх. Немного поколебавшись, она вложила свою ладошку в его шершавую мозолистую ладонь. Тихонько двинулась следом.

Они шли молча. Нежана все никак не могла понять, отчего это вдруг Черныш помочь ей захотел. Но странное чувство тепла и благодарности разливалось в груди.

- Вот твой тятенька, - остановился около одной из домовин парень. Девочка выпустила его руку и, опустившись на колени, обняла ручками деревянный столб.

- Благодарствую - прошептала она, сворачиваясь клубком.

- Ты тут ночевать что ли будешь?

- Да, - кивнула она, - все равно брат до утра в дом не пустит. А тут тятенька...

Парень переступил с ноги на ногу. Отошел на пару шагов. Замер. С его губ сорвался тяжелый вздох, и в следующее мгновение он опустился рядом с ней в примятую траву.

- Ты чего? - сонно зевнув, приподняла она голову.

- Тут не только тятенька, - буркнул он, поворачиваясь к ней спиной, - спи....

- Станный ты, Черныш, - сонно пробормотала она, подтягивая ноги к груди.

- Отчего?

- Ты то на меня злишься, да дразнишься, то защищаешь.

Парень перевернулся. Уперся локтем в землю, положив голову на ладонь. Некоторое время смотрел на девочку рядом. Еще пару весен и расцветет, как маков цвет. В ней уже сейчас девичья краса угадывалась. Прав отец. За ней пригляд нужен. Но бесила она его знатно. Вечно во что-то лезла. Злила его поступками своими несуразными. Может, и хорошо, что он уйдет, после таусеня *. Вдохнет свободно. Будет ходит и не оглядываться, ожидая что на него что-то свалится или кто-то из кустов с накинутым на голову покрывалом в сумерках выпрыгнет.

(осенний день равноденствия у древних славян).

Губы Черныша растянулись в невольной улыбке, когда он вспомнил тот случай. И вот же, додумалась, покрывало на себя нацепить и напугать его. Духа решила показать. Да только он духов не боялся. Хотя поначалу оторопь взяла. Немудрено: во сгущающихся сумерках на него с диким криком бросается нечто...

Зевнув, он бросил быстрый взгляд на спящую рядом девочку, прижавшуюся к деревянной опоре домовины. Надо будет Первака опять на драку вызвать. Видно, забыл он, как недавно Черныш ему бока намял. Все о сокровище прашура их Радима мечтает, а сестер обижает. Неправильно это. У самого Черныша в семье сестёр не уродилось. Все мальчишки. Может, вот третья жена отца, которая сейчас на сносях, долгожданную девочку подарит? Отец его об этом и днем и ночью грезит. Потому и взял третью жену из рода, где девочек много. А то им, сынам, жен умыкать, а откуп брать с чего?

Черныш со вздохом посмотрел на небо. Может, на той земле суженую совою сыщет. Тогда и девочки, и мальчишки у них будут. Но пока рано ему еще о жене думать. Надо мужем мудрым да сильным стать, чтобы жену и семью защитить мог. Ведь он не просто Род свой продолжит, это задача его старшего брата, Род отца уберечь да сохранить, а он, как и все его младшие братья - он во главе нового станет. Своего.

Черныш вытянулся на земле, сорвав травинку и сунув ее в рот. Положив руки под голову, наблюдал, как вспыхивают на небе звезды. И представлял перед собой красивый град с высокими теремами и просторными улочками, утопающими в зелени садов, стоящий на высоком берегу могучей реки, которую все Славутичем зовут.

Глава 9

Глава 9

Черныш облачился в чистую рубаху и штаны. Подпоясался. Пригладил пятерней свои черные, как смоль, волосы. Окинул взглядом землянку с очагом в центре. Последний раз он смотрит на жилище, как дитя. По возвращении он уже мужем станет.

Он спокойно вышел на улицу. Солнце еще согревало землю своими лучами, хотя по утрам чувствовалась первая осенняя прохлада. Да и листва на деревьях уже подернулась первой желтизной.

- Черныш!

Он оглянулся. К нему спешили его друзья, Ждан и Ворон. Он широко расставил ноги, копируя отца, поджидая, когда они приблизятся.

- На капище? - спросил Ждан, подходя и окидывая взглядом его новый наряд. Черныш кивнул.

- Сегодня таусень*. Волхв велел на реку прийти поутру, когда Ярило над деревьями встанет.

(день осеннего равноденствия. 22-23 сентября).

Ворон кинул взгляд на небо.

- Тебе спешить не надо. Вода в речке нескоро прогреется.

- И хорошо. Имя вернее выберем, - ничуть не смутился Черныш. Ждан хмыкнул, хлопнув друга по плечу:

- Ты, как всегда, уверен в себе.

- Если сомневаться в себе, то и погибнуть можно, - возразил Черныш, - и других сгубить. Не пристало тогда мужем зваться.

- Да ладно тебе, - скривил губы Ждан, - все равно, что три лета назад, что сейчас, али еще через три, все мужами станем.

- Все-то станем да муж мужу рознь, - встрял в разговор Ворон, - помнишь, в тот таусень Первак имя брал?- Черныш кивнул.

- Он все хотел, чтобы прашур Радим его "у-родом" поставил.

- Не достоин Первак у рода стоять, - хмыкнул Черныш, вспоминая, как спала, свернувшись калачиком под домовиной настоящего отца, рыжеволосая девочка, - и покровительства богов не заслуживает. Черна душа его, что сажа.

- А он желает стать у рода. Говорит, что во сне видел, как в руки ему амулет прашура дается.

- Хм... - Черныш почесал в затылке, - может, наговор?

- Может, и наговор. Сам как думаешь, какое тебе имя достанется?

- То пусть духи и боги решают. Я любое приму. И с гордостью носить буду.

- А ежели тебя духи выберут?

- Скажешь тоже, - отмахнулся от Ворона Черныш, - ну какой из меня "у-род"? Охотник - да, я неплохой. Лес слышу, да повадки зверей знаю. Может и воем неплохим стану. Но за весь Род ответ держать....

- Волхва тем летом не нашли, - грустно посмотрел на него Ворон, - может, сегодня кого сыщут?

- Волхвом тебе надо быть, - покачал головой Черныш, глядя на Ворона, - не думаю, что и сейчас он явится. Будем следующего таусеня ждать. Когда ты возраста своего достигнешь.

Черныш кинул взгляд на солнце:

- Ярило уж выше поднялся. Побежал я.

- Пусть боги тебя благословят, а духи пращуров путь жизни откроют, - крикнул вслед Ворон. Ждан почесал нос.

- Думаешь, и правда он им станет?

- Мне уж не одну ночь снится, как Черныш у кургана Радима нашего стоит. А потом входит в него, растворяясь в тумане. Вот помани мое слово, Ждан. Он "у-родом" станет. Его боги выберут.

Черныш же перескочил через несколько грязных луж на дороге, распугал мирно дремавших на солнышке котов и нырнул под ветви орешника.

Еще немного и он уже бежал к берегу реки, которую они меж собою сговорились звать "И - путь". * Река и правда была одним из самых удобных путей, чтобы добраться от их селищ до северных племен.

(в данном случае использую славянскую версию названия реки Ипуть. Существуют и другие).*

Они сюда бегали рыбу удить: окуня, леща, щуку. Черныш довольно облизнулся. А сегодня река его в новый мир выведет.

Он выскочил на пологий участок берега, где уже был разожжен костер, а волхв тихо напевал какие-то песни. Отряхнувшись и одернув рубаху, он направился к старцу. Тот посмотрел на него мутным взглядом и кивнул на место напротив. Черныш сел прямо на землю, скрестив ноги. Посмотрел по сторонам. Ярило золотил поверхность, реки создавая на ней зайчиков, весело прыгавших по тихой волне. Посмотрел на волхва, который, закрыв глаза, приподнял лицо вверх и что-то бубнил себе под нос. Поерзав на месте, Черныш сделал так же. Развел руки в стороны, ладонями вверх, и закрыл глаза, прислушиваясь к монотонному бормотанию волхва. Сколько он так сидел, Черныш не знал. До него доносился горьковатый запах полыни и одолень- травы. Парень знал, что редко ее используют в обрядах, но трава та очень сильна. Злых духов отгоняет, на пути оберегает и дает силы к победе. Волхвы ее для мальчиков всегда добавляли, чтобы им силы и мужества прибавить. Вот и сейчас Черныш ее аромат учуял.

- Пора, - на его плечо легла рука. Он приоткрыл глаза, глядя на склонившегося над ним волхва. Кивнул. Молча поднялся. Подошел к кромке воды, на ходу развязывая пояс и стягивая рубаху. Аккуратно сложил на берегу. Стянул штаны и взял у волхва плотно связанные меж собой лучины, полученные из дуба. Прошлым летом молния ударила в одно из деревьев, расщепив его. Черныш с Вороном тогда волхву помогали лучины стругать. Волхв говорил, мол, сам Перун их благословил, оберег мощный им даровал. И вот сейчас Черныш, сжимая в руке эти самые горящие лучины, вошел в воду. Ему предстояло с головой трижды погрузиться в течение реки, держа их над головой. Смыть с себя прошлую, детскую жизнь и уже новым, обновленным человеком, взрослым мужем, готовым защищать и оберегать, выйти на берег. А уж потом у костра волхв назовет его новое имя.

Чем глубже он заходил в воду, тем холоднее она становилась. Течение, хоть и не сильное, но подталкивало его, вынуждая балансировать, чтобы не упасть. Когда он едва ощущал дно по ногами, повернулся к берегу. Волхв махнул рукой, и он погрузился в воду. Раз. Другой. Третий...

В спину толкнулся поток воды. Лучины над головой вспыхнули, и он открыл глаза... Из мутной воды к нему навстречу шел седовласый старик. Его глаза светились теплом и участием. Что-то было в нем родное. Знакомое. Не глаза. Улыбка. Широкий разворот плеч. Манера держать себя.

- Сын мой, - глубокий, бархатистый голос старика опутал его, - пришло твое время. Труден и сложен путь твой будет. Но коли не свернешь, не отступишь, род наш сохранить сможешь. Твое сердце открыто. В нем вижу огонек любви. Береги его. Свой огонек. Он верный путь тебе укажет. Только доброе сердце и чистые помыслы откроют тайну.

- Какую тайну? - Черныш во все глаза рассматривал старика.

- Поймешь, когда время придет, - тихо проговорил старик, - в нужное время сам ко мне придешь. Сам решишь, каким путем идти.

- Сейчас мне что делать?

- Путь искать. Как и я когда-то. Пришел с братом на эти земли. Они нас кормили и защищали. Но надо идти дальше. Ищи свой путь, сын мой. Ищи. И о Роде не забывай. Силой рода земля матушка наша сильна. Пока сыны да дочери мои о роде помнят, никто нас сломить не сможет ...

Черныш взмахнул свободной рукой, зацепившись за узкие лентовидные листья осоки. Расположенные по краю мелкие, но острые зубчики царапнули его ладонь, и несколько капелек крови тяжело повисли между ним и расплывчатым образом.

- Помни: оберегу нужен истинный хозяин Рода. Тот, кто клянется на крови, возвращать должен долги.

Старик растворялся в мутноватой воде реки. Его голос становился тише, и Чернышу приходилось прислушиваться к каждому слову.

Оттолкнувшись ото дна, он вынырнул на поверхность, жадно глотая воздух. И все же лучины не погасли. Удержал. На берегу стоял волхв, поджидая его возвращения. Он медленно направился к берегу, постепенно осмысливая то, что видел и слышал. Его поступь становилась тверже. Взгляд тяжелее и серьезнее. У самого берега, стоя по пояс в воде, он опустил руку в воду, затушив лучины, и взглянул на волхва.

- Имя? - только и спросил волхв, опираясь на клюку.

Черныш кивнул. Протянул руку с едва заметным порезом. Волхв слегка поднял брови и внимательно взгляделся в молодого человека. Достал из-за пояса слегка изогнутый нож и полоснул парня по ладони. Тот лишь вздрогнул. И сжал пальцы в кулак, позволяя крови капать в чистую прозрачную воду.

- На крови клянусь, - тихо проговорил он, - на святом капище, где огонь горит, где слава гремит, где треба восходит, где сила водит, от земли родной до Сварги Златой! Пред богами родными и предками святыми от Радима, сына Гора, рода радимичей, клятву примите, завет утвердите. Гой!

Старец посмотрел за его спину на реку, в легком течении которой растворялись капли крови.

- Имя тебе отныне... Радим, сын мой, - провозгласил волхв, нарекая ему новое имя и определяя путь.

Глава 10

Глава 10

Она отчаянно заверещала, когда, протянула руку к корзинке и сунула в нее. Занятая нарезкой яблок, собранных в лесу, Нежана погрузилась в свои мысли. Она, не глядя, доставала яблоки и ловко нарезала их полукольцами, раскладывая на деревянной дощечке для дальнейшей просушки. Потом, лютой зимой, их можно будет грызть, глядя, как воеет метель во дворе. Или горячий взвар приготовить.

Перед столом играла малышня, самые младшие братья и сестры первой и третьей жены отца. Одним глазом она приглядывала за ними и думала о своем. Вернее, об одном черноволосом парне, которого духи избрали и которого отныне Родимом, как их пращура, величали. Давно никто это имя не носил. А вот Чернышу повезло. Хотя, как она знала, он не особо этой участи рад. Его всем родом отговорить пытаются от его задумки уйти. Мир посмотреть. Уперся, как бык. Пойду и все. По весне, молвил в путь соберется. С первыми проталинками. Мол, сам прадед их Радим велел ему путь свой искать.

Нежана настолько погрузилась в свои мысли, что, потянувшись за очередным яблоком, схватила в корзине что-то скользкое и липкое.

Заверещала она не столько от испуга, сколько от неожиданности. Дернув корзину на себя, она уставилась на нескольких лягушек, сидящих на яблоках и не менее испуганно глядящих на нее. Ах ты ж...

Из кустов донесся заразительный хохот. Девушка обернулась, чувствуя, как в груди закипает злость.

- Ах ты, остолбень! Черныш, змей подколодный, ну погоди!

Она схватила со стола свободную доску для просушки яблочных долек и кинулась к кустам, из которых доносился смех. Под ноги попала курица, которая лишь испуганно закудахтала и бросилась прочь от разъяренной девушки.

Нежана буквально влетела в кусты, из которых выскочила стайка мальчишек и несколько парней постарше. Бросившись в рассыпную, они весело гоготали.

- Догони, лисица!

- Поймай, ветрогонка*(вздорная), - с другой стороны.

Но ее интересовала не вся эта толпа мальчишек, рассыпавшихся в разные стороны, а конкретно один. Тот, который, отбежав на небольшое расстояние, сейчас стоял, обернувшись к ней, и строил рожицы, дразня ее и заставляя беситься.

- Ух, какой страшный огонек, - смеялся он, стоило ей подбежать поближе, - попробуй обожги!

- И обожгу! Такой пожар устрою! - размахивая дощечкой, неслась она на него. Радим, смеясь, ловко отскочил в сторону и прытко побежал прочь, вихляя между деревьями. Время от времени умудрялся, скрывшись за кустами, оказаться за ее спиной. То за косу ее девичью дернет, то в плечо толкнет. Не сильно, но ощутимо, чтобы позлить ее больше.

- Ну же, огонек, обожги, - хохотал он, отпрыгивая в сторону.

Вот ведь змей. И чего ее волосы ему не нравятся? Как листва по осени рыжие. А ему все лишь бы подразнить. С его легкой руки и все ее теперь то лисицей зовут. Огоньком он ее неслышно кличет, когда нет никого поблизости. Словно не хочет, чтобы кто-то другой ее так звал.

А парень, хохоча, от нее наутек бросился да с пригорка в речку спрыгнул. Красиво так, плавно, что она на миг zalюбовалась.

Нежана замерла на берегу, гневно топнув ножкой и глядя, как парень, вынырнув, мощно рассекает речную гладь, плывя к другому берегу. И волосы его намокшие темные-темные стали. Вот уж чернышом уродился. Что лицом, что волосами чернее ночи. «И сердце такое же черное, что волос», - подумала Нежана, возвращаясь обратно к землянке.

- Нежана, дочка, поди сюда, - донесся до нее голос матушки. Она тут же к ней кинулась, отбросив мысли о бесящем ее парне.

- Опять за Чернышом гонялась? - присев перед ней на корточки и поставив корзину с одеждой рядом, спросила матушка. Она вглядывалась в лицо дочери, словно разглядеть там что-то хотела. Вздохнула, покачав головой, и заправила выбившиеся из косы рыжие прядки за ухо, - вот когда уж утомонитесь?

- А чего он меня лисой да огоньком кличет? Имя у меня есть!

- Так ты есть огонек, - улыбнулась матушка, - бойкая да задорная. От тебя вон искры в разные стороны летят. Особенно ежели Черныш твой рядом.

- Не мой он! - надула губки девушка и, сложив руки, отвернулась в сторону. Мать понимающе покачала головой, потрепав дочку по рыжей макушке.

- Твой не твой... Жизнь покажет. Там братья твои в дорогу собираются. Иди подсоби им малость. Котомку с едой приготовь. Да одежды запасной с собой положи.

- Они опять курганы искать пойдут? - Насторожилась Нежана. Мать вздохнула.

- Да. Никакие уговоры не помогают. Все хочет завет пращура нашего Радима отыскать. Коль имя ему не досталось, хочет всем показать, что и он у рода стоять может.

- Но ведь нельзя, матушка, - ужаснулась Нежана, - а что ежели проклятие на наш род падет? Дедушка волхв говорил: до седьмого колена...

- Не думай о том, Нежана, - одернула ее матушка, - не по его роду ты пошла. От моего красу и мудрость взяла. Не коснется тебя проклятие. Да, поди уж и нет кургана того. Столько лет минуло. Он вон уж не первое лето по лесу да болотам рыщет, все найти не может. Защитят нас боги, не доведут его до них. Обойдет и нас беда стороной.

- А если найдет?

Мать опустила взгляд вниз, на землю, где среди песчаных крупинок пробежали занятые своим извечным делом муравьишки. Вновь посмотрела на дочь, и натянутая улыбка скользнула по ее губам.

- Богам молиться надобно, Нежана, чтобы не нашёл. Да на капище сбегать. Ты иди, помоги ему. А я пока дары приготавливаю. Ты потом к Перуну-батюшке сбегаешь. Поклонишься ему да защиты нашего рода попросишь.

- Сбегаю, матушка. Сбегаю.

Развернувшись, она побежала к землянке, где они жили большой семьей. И хоть ее мать стала второй женой, да отец другой у нее был. Погиб при давнем набеге княжеской дружины. Она тогда совсем малышкой была. Смилоствовался Головач, взял их к себе. Заботой окружил. Заместо отца родного стал. А она уж другого отца и не помнила. К этому сердцем тянулась. Да наказы его выполнять старалась.

- Тише, а то услышит кто.

Нежана замерла, занеся ногу над последней ступенькой, ведущей вниз, в землянку. Оглянулась. Голос был приглушен, но слышались в нем знакомые нотки. Она тихонько подкралась к двери. Заглянула между щелочку. Так и есть брат ее старший, что от первой жены, с соседским парнем о чем-то шепчутся. До нее только отдельные слова долетают.

- Уверен? – тихо спросил Первак.

- Правду молвлю, - соседский парень приложил руку к груди, - с соседнего селища, что стоит там, где Ломентка в Ипуть впадает, рассказывают, что коли за сокровищем со злым умыслом придешь, то беды на весь род лягут. - Глупости все то, - отмахнулся от него брат и покрутил в руках нож, - духи давно уж Калинов мост перешли да в мире Слави покой нашли. Как нам вредит станут?

- Ой, не наговаривай, Первак. Позабыл, как враг на наши селища нападал, когда курган тот взять хотели? Может не пойдём, а то еще накличем беды...

- Ты чего, Угрюм, белены наелся? - недовольно рыкнул ее брат. - Третье лето курган тот ищу. Говорят сокровища там немереные. Но главное – Узел. Коли найду во главе Рода встану. Сам Радим меня благословит.

- Сначала найди... Потом уж про остальное думай.

- И найду. С тобой или без тебя, - брат обернулся к нему и тут заметил приоткрытую дверь и подслушивающую девушку.

- А ты что тут делаешь? - его брови недовольно сошлись на переносице, а взгляд впился в нее.

Отряхнув сарафан и выпрямившись, Нежана сильнее толкнула дверь и вошла в землянку.

- Матушка велела помочь тебе собраться, - не отводя взгляда от брата, молвила она.

- Ну так помоги, - прорычал он, - чего под дверью слушаешь?

- Так я, чтобы не мешать...

Медленно брат подошел к ней, не позволяя отвести взгляда. Схватил рукой за подбородок, впившись в нее взглядом так, словно под кожу залезть хотел. Нежана внутренне содрогнулась, но призвала на помощь всю свою отвагу и не дрогнула. Не отвела взгляда.

- Что слышала? - тихим тоном со скрытыми нотками угрозы спросил брат

- Н-ничего, - голос все ж немного дрогнул.

- Ничего? - подозрительно изогнул брови брат

- Только то, что ты на Радимов курган собираешься. Так мне о том и матушка сказала, - затараторила она, - вот тебе помочь велела...

Брат некоторое время вглядывался в нее. Потом склонился к ее лицу.

- Гляди, Нежанка. Коля услышу, что люди о чем-то кроме кургана молвят, жизнь такую устрою, что о смерти молить будешь, ясно?

Она кивнула, сдерживая подступающий к горлу страх. Что он удумал?

Окинув ее леденящим душу взглядом, брат вышел. Угрюм последовал за ним, искоса поглядев на притихшую девушку.

На дрожащих ногах Нежана дошла до скамьи, потерянно присела, глядя на захлопнувшуюся дверь и убеждая себя в том, что ничего плохого не случится. Боги не допустят, чтобы брат вызвал гнев духов. Не допустят...

Глава 11

Глава 11

Выставленная подножка и она, неуклюже взмахнув руками, полетела вперед. Прямо в весеннюю лужу.

Злорадный смех над головой.

Она расстроено провела рукой по лицу, запоздало поняв, что лишь размазала грязь. Тихонько звякнули на очелье медные кольца, а змееголовые бронзовые браслеты на руках впились в нежную кожу запястий. Устало подняла голов, окинув взглядом выскочивших из-за угла юношей. Уж скоро имена менять, а все как дети себя ведут.

- Лисица, а такая неуклюжая, - смеющийся голос Ждана.

- Зато она теперь больше на лисицу похожа, - загоготал второй, Гором его звали.

- Ребят, ну чего вы? – выступил немного вперед тот, которого Вороном кликали. Прикрыл ее собой. А Вороном его звали оттого, что слишком уж птиц кормить любил. Всех птах лесных знал, раненых да покалеченных с детства в дом тащил да лечил.

Нежана неловко перевернулась. В запястье что-то щелкнуло, вызвав неприятную боль. Усевшись в луже, уже со злостью смотрела на окруживших ее парней.

- Вам что, заняться нечем? - огрызнулась она. - Скотину на поле выгоните. Дров наколите...

- Ты смотри, Ждан, лисица еще тявкает, - голос Гора. Девушка лишь скосила глаза в его сторону.

- Ага, все нас учит.

- Так кто, ежели не я, - буркнула она, поднимаясь, - коли у самих ума с ноготок.

Ждан выпрямился и, скрестив руки на груди, свысока посмотрел на нее. А Гор толкнул ее в плечо. Нежана вновь плюхнулась в грязную жижу. Все. Сарафан испорчен. Только утром чистый из сундука достала. Красивый. Она сама на него несколько лет вышивку делала, к весне готовила. Теперь идти на речушку стирать. Не покрасоваться среди подружек. А они наверняка в новых придут. Обида сдавила горло.

- Не тебе лисица, на указ нам давать, - скривился Ждан. - Твой брат, что за сокровищем кургана ушел, так и не вернулся, так что не задирай нос.

- А я вот разумею, что ей, - раздавшийся спокойный голос за спиной выудил всех обернуться. Она склонила голову, сквозь ноги парней разглядывая застывшего напротив Радима. Этот что тут делает? Тоже пришел позлорадствовать?

- Да ладно, Черныш, - как-то сразу растеряв свой гонор, неестественно хохотнул Ждан, - мы просто веселимся.

- Меня Радимом кличут, – холодно и веско произнес парень, бросив на нее быстрый взгляд. - Над собой веселитесь, олухи. Чего к ней пристали?

- А чего? – тут же вскинулся Гор. - Ты вон можешь...

- Я могу, - стиснув кулаки угрожающе двинулся к нему Радим, - вы- нет.

Остановившись напротив приятеля, немигающим взором уставился на него. Нежана тихонько ахнула, прижав к себе ноющую руку и наблюдая за мальчишками. Что меж ними происходит?

- Из-за какой-то девчонки ссоры ищешь? - губы Ждана скривились в гримасе, - нашел из-за кого. Лисица. Рыжая да бесстыжая.

Кулак Черныша врезался в живот Ждана, заставив того захрипеть и сложиться пополам.

- Ты чего?

- Не смей ее обзывать! - Черныш принялся молотить Ждана. Тот несколько раз увернулся от его тумачков и набросился с неменьшей яростью.

Нежана отползла в сторону.

- Давай помогу.

Она взглянула на протянутую руку Ворона. Тот виновато повел плечами.

- Мы правда не со зла. Просто Черныш... Радим за тобой ходит, глаз не сводит. Вот решили позлить его. А Ждан только и рад. Нравишься ты ему.

- Этого мне не хватает, - буркнула она, опираясь на протянутую руку и вставая. Окинула себя взглядом. - Пусть Ждан другую себе ищет. Не по нраву он мне.

- Да я не про Ждана, - хихикнул Ворон, - хоть и он к тебе присматривается. Я вообще-то про Радима.

Девушка словно оторопела. Перестала отряхивать с сарафана грязь. Медленно посмотрела на Ворона.

- Радим? Да он меня еле терпит!

- Так ты думаешь. Нам со стороны виднее.

- Глупости все это, - отмахнулась Нежана, - и потом, он уходит собирается. Так что любя-не любя, а свой путь он уже выбрал.

Ворон странно и как-то слишком мудро для своего возраста посмотрел на нее.

- Так может, у вас с ним одна путь-дорожка?

- Не собираюсь я отсюда уходить! - тряхнула головой Нежана, отчего кольца на ошейнике и в волосах сверкнули в лучах весеннего солнца. - Здесь мой дом. И пращуров мои здесь, на этой земле покоятся. Негоже на чужбину идти.

- Так Радим не на чужбину стремится. Всего лишь посмотреть, как братья наши живут, кривичами что зовутся. По нашим рекам караваны с товарами идут. А они на Славутиче еще больше заморских гостей встречают.

- Ага. Слышала я, он по другим селищам радимичей пройти хочет. В те места, где степняки за данью нашей ходят.

- И пусть идет. Все равно ведь вернется, - Ворон пожал плечами под серой рубахой, - все равно вернется.

- Так и не уходил бы. Что он там нового увидит?

- Нежана, так он не старший сын. Да и девочек в его роду не родилось, - мягко улыбнулся Ворон, - а жену умыкнуть хочется. Вот и надо славу себе сыскать да богатство, чтобы отдали за него ту, что сердцу мила стала.

- Ха! Коль мила сердцу, умыкнул бы не спрашивая. А так-пустые разговоры.

Во взгляде Ворона мелькнуло что-то странное.

- Ты бы согласилась, чтобы тебя вот так, без спросу умыкнули?

- Почему нет, ежели это любый сделает?

- А Радим?

- Что Радим?

- Если бы я тебя умыкнул, - раздался хриплый голос за спиной, - согласна бы была женой стать?

Она круто развернулась. Парень стоял перед ней. Взлохмаченный, с разорванным воротом и разбитой губой, из которой сочилась кровь. На скуле красовался синяк. Глаза светились ожиданием и надеждой. Радим открыто смотрел на нее, стоя прямо, будто натянутая тетива лука.

- Будь моей женой. Пойдем вместе, как судьба велит.

На мгновение, всего на мгновение она опустила глаза, и тут же дерзко вскинула взгляд вверх, пряча дрожь в голосе.

- Вот еще, - фыркнула Нежана, скрещивая руки на груди и задирая нос, - мне такой муж не нужен. Ты словно вихрь, что вырывает деревья с корнем. А мне нужна тишина и покой.

- Добро, - спустя мгновение произнес Радим, отворачиваясь. - Ворон помоги им. Пусть Ждана к волхву отнесут, раны залечить.

Радим ничего больше не сказал, лишь зашагал прочь. Даже ни разу не оглянулся. Взгляд Нежаны неотрывно следил за ним, пока он не скрылся в зарослях лещины. Она испугалась. Испугалась той силы, что жила в нем. Испугалась тех чувств, которые охватывали ее огнем, стоило ему оказаться рядом.

- Э-эх, и дурная ты, Нежана, - грустно молвил Ворон, - и чего надо было отказывать? Ведь за ним бы счастье свое обрела.

- Много ты знаешь, - все еще глядя вслед скрывшемуся Радиму, ответила Нежана. - Сам еще обряд не прошел, а меня уж учить надумал?

- Просто его знаю, - Ворон кивнул в ту сторону, где скрылся его друг, - зря ты, ох зря...

Радим ушел. Сначала были слухи, что вступил в дружину на дальних рубежах, а потом осел на земле кривичей, где реки текут иначе и небо кажется ниже. Она старалась не слушать эти разговоры, делая вид, что ей все равно. Но часто, лежа ночью без сна и глядя на звезды, думала о том, как он там живет. Какую еду ест. И есть ли рядом с ним кто-то, кто смотрит на него с затаенной нежностью и любовью?

Глава 12

Глава 12

(еще спустя время)

- Первак, не стоит так резко с князем говорить, - старейшина рода хмуро смотрел на ее отца и вернувшегося по лету брата.

- Кривичи приняли князя. Склонили перед ним головы. Теперь он к нам пожаловал. Желает, чтобы мы дань не хазарам, а ему платили. - Первак кулаком ударил по дубовому столу. На его шее красовался древний амулет похожий на перевёрнутую букву «Ж» с остриями, заключёнными в круг. «Узел рода». Тот, что он из кургана принес. Тот, который по преданиям, принадлежал самому их пращуру Радиму. А он, не скрываясь носил его, демонстрируя свою власть. Мол его духи предка «у-родом» выбрали. А тот, кому лишь имя досталось, еще по прошлой весне их земли оставил.

На что их волхв, до сих пор молчавший, поднял руку, вынуждая всех умолкнуть, и тихо, но веско произнес:

- Духи выбор свой сделали, Первак. Не просто так имя одному, а «Узел» другому достались. Грядут перемены для нашего рода. И пусть боги и духи нас хранят. Ибо не к добру это. Совсем не к добру.

После чего волхв ушел в лес, и с тех пор его никто не видел, хоть и искали по лесным тропам и болотным топям. Старик упорно не желал возвращаться. Даже на капищах его не видели. В селищах шептались о том да к бедам готовились. На Первака злобно поглядывали, да против идти боялись, считая, что он в чем-то прав. Ведь Радим ушел в чужие земли. А он, Первак, здесь, рядом. Да еще и «Узел» на груди носит.

Нежана все присматривалась к брату, нутром чувствуя, что он чего-то не договаривает, что-то утаивает от них.

- А размер дани? – задумчиво спросил старейшина рода, уставившись в дубовый стол тяжелым взглядом.

- Как и хазарам. По щелягу с рала*.

- Что в том плохого? - ставя пред братом братину* с медовым квасом, спросила девушка.

- Не лезь, Нежанка, - зыркнул на нее брат.

- Первак! – рыкнул на него отец. Старший брат злобно обернулся к нему.

- Пусть не лезет!

- Не тебе ее останавливать. Может правду знать.

- Пусть своими бабскими делами занимается. Мужа чего до сих пор не сыскал? Уж на выданье девка, а все еще простоволосой бегаёт.

- Надо будет, сыщу, - угрюмо поднимаясь на ноги молвил отец и подошел к сыну, - не тебе о ее судьбе думку думать.

Первак выпрямился, ничуть не смутившись сурового вида отца. Уперся руками в бока.

- Так я подсобить хочу. Жених у меня на примете есть.

- Кто? – опешила Нежана.

- Угрюм, - сверкнул в ее сторону насмешливым взглядом брат, - еще до моего похода тебя заприметил. Всю дорогу тобой бредил. Отчего не муж?

- Угрюм? С селища, что на Остре? * - отец перевел на нее немигающий пристальный взгляд, внимательно следя за ее реакцией на слова брата.

Нежана открыто посмотрела на него, слегка качнув головой. Не пойдет она за Угрюма. Со вздохом отец вновь обернулся к старшему сыну.

- Сейчас не о том думать надо, - ответил он, - нам с князем договариваться как?

Старейшина обвел всех хмурым взглядом. Его, как главу рода, волновали все вопросы. И то, чем жить племя будет, его процветание и продолжение и прославление рода; подготовка воинов и их готовность в любой момент вступить в бой за родную землю. Но сейчас его больше заботила независимость племени от воли князя, как и от воли хазар.

- Надо собирать глав других родов, - выпрямился он. - Волос, отправь гонцов в другие селища. Будем сговариваться, как быть.

Отец Нежаны кивнул. Первак только хмыкнул, окидывая их высокомерным взглядом. Старейшина недовольно взглянул на него.

- Со мной пойдешь, Первак, - молвил он. - Послушаем, что путного скажешь.

- Отец! – Нежана метнулась к Волосу, удержав его за локоть, - не отдавай за Угрюма. Ведь жизни с ним не будет.

Отец посмотрел на выходящих глав родов и отвел ее в сторону.

- Первак в одном прав. Мужа тебе пора искать, коли сама никому согласия не дашь. Возраст уж подходящий. Присмотрелась бы к кому.

- Никто мне здесь не мил, отец.

- Не мил... - отец окинул ее понимающим взглядом, - чего тогда Радиму отказала?

Нежана вспыхнула и отвела взгляд в сторону.

- Уж он тем паче...

- Ну-ну... - протянул отец, глядя на ее склоненную голову. - Придумаем что. Но мужа найдем. И смотри мне, Нежа. Коль сама не выберешь, мой выбор примешь. Уразумела?

На кивнула, понимая, что спорить бесполезно. Волос притянул ее к себе и легко поцеловал в макушку.

- Присмотрись к мужам. Коль с других селищ приедут, то и сынов с собой возьмут. Может, кто на сердце ляжет.

- Присмотрюсь, отец, - расстроено вздохнула Нежана. Проводила его взглядом. Собрала со стола грязную посуду, да во двор вынесла, в корыто составила. Надо бы на речку сходить, водицы принести. Нежана устало присела на лавку, пустым взглядом глядя перед собой. Вспомнился ей молодой парень, что рядом с ней у домовины тятеньки спал. И взгляд его, тогда, по весне, когда она ему отказала. А может быть все бы сладилось у них? Ведь не противен ей был...

Решительно поднялась, подхватив коромысло и ведра. Нечего себя жалеть. Ушел, так значит боги решили. Может уже себе и другую присмотрел. А она тут слезы льет, тоскует. Прав отец. Придут с других селищ, надо будет внимательнее на них взглянуть. Может, и правда кто люб станет....

* * *

* щеляг- так в летописи называется монета, примерно равная одному шиллингу; с рала - с поля.

* **Братина.** Один из старейших русских сосудов, отличающийся устойчивостью и прочностью. Братины могли быть как гладкими, так и с различными выпуклостями («яблоками» и «ложками»). Из больших сосудов квас зачерпывали ковшиками, а маленькие братины использовались для индивидуального питья.

* В книги описываются места расселения радимичей на территории Смоленской области - территория современного Рославльского, Ершичского, Шумячского и Хиславичского районов. Река Остер - река в Смоленской области России, в низовье по ней проходит граница с Могилёвской областью Беларуси, левый приток Сожа (бассейн Днепра)

Глава 13

Глава 13

Нежана прошла между соседских землянок, с улыбкой посмотрев на подружку Предславу, что обучала малышей счету, раскалывая на земле собранные в лесу желуди. Обошла стороной мальчишек, размахивающих деревянными мечами и изображающих из себя отважных воинов, готовых сразиться и с врагом, и с диким зверем.

- Ррррр... - рычал один, из расставив руки и переваливаясь с ноги на ногу, - ррррр...

- Не подходи, бер!* (медведь) – кричали остальные мальчишки, насканивая на того, кто изображал из себя хозяина леса. Мальчишки не скупались на удары, прыгали кругом, лупя «медведя» то по спине, то по ногам. Она покачал головой и твердо шагнула вперед, ворвавшись в их толпу.

- А ну-ка тихо! – прикрикнула она. Мальчишки замерли, недовольно глядя на нее.

- Чего? – зыркнул на нее один из них, видимо вожак.

- Так разве ж можно косолапого так загонять? Он-хозяин, который знает тайные тропы и слышит голоса наших предков. Не стоит его дразнить и злить, а уж так громко имя его кричать. Он – «хозяин», «косолапый», «лесной человек». Не кричите напрасно «бер». Настоящее имя нельзя никому слышать.

Мальчишки слушали ее, внимая каждому слову.

- Он-наш предок. Он так же, как и мы, ходит на задних лапах, лазает по деревьям, ловит рыбу и ест мед. Оооо! Он знает в меде толк и знает, как его найти. Присмотритесь к его повадкам. Пройдитесь по лесу его тропами. Потому некоторые его и зовут «мед ведающий». Он защищает охотников. А еще зимой впадает в спячку, чтобы проснуться по весне и вместе с Дажьбогом возвестить о зарождении новой жизни.

Она пробежалась взглядом по притихшим мальчишкам и улыбнулась. Повернулась к тому, кто изображал бера и поклонилась ему:

- Благодарю тебя, хозяин леса, за защиту твою и мудрость, - проговорила она, краешком глаза следя за остальными мальчишками. Те помялись на месте и повторили ее детство. - Вот так, - выпрямилась она, - и в лесу не дразните его. Поклонитесь, да стороной обойдите. Не убивайте почем зря. Ни зверя лесного, ни косолапого. А уж тем более ради забавы.

Она потрепала ближайшего к ней мальчонку по волосам и, вновь подхватив ведра, направилась к реке.

День пролетел в заботах. А поутру, едва забрезжил рассвет, Нежана уже на ногах была. Босые ножки легко ступали по мокрой от росы траве. Глаза скользили по розоватым проблескам рассвета. Она шла в лес трав собирать. Самое лучшее время для сбора многих трав именно поутру, когда еще они росой ночной умыты, а Ярило не обжег их своими палящими лучами. Пользы в них больше.

Нежана сегодня хотела подальше, вглубь леса зайти. Там, в ложбине с поросшими орешником склонами, неподалеку от сгоревшего селища, огненная трава обильно росла. * (одно из названий иван-чая). Ее именно на рассвете собирать надо было. Для заваривания брались только макушки растения. Нежные и хрупкие. Коли попить этого чая на ночь, сон сильный, крепкий будет, и здоровье-богатырское. А остальную часть растений сушили да на лавки раскладывали. Тоже для крепкого сна. А еще, бабоньки говорили, хорошо такой чай молодым девицам, тем, кто «входил в годы», а потом «расцветал» *(Иносказательное описание месячных). Вот и старались побольше огненной травки заготовить.

Предрассветный ветерок легко скользнул впереди, разгоняя белесоватый туман, а заря все сильнее разгоралась на безоблачном высоком небе, вспыхивая яркими красками. Нежана,

улыбаясь, шла вперед, глубоко вдыхая свежий воздух, наполненный ароматами цветущих трав и коры деревьев, пропитанной ночной влагой. Временами переходила на бег и, раскидывая руки, радостно кружилась, радуясь новому дню. Лишь углубившись в лес, стала более сосредоточенной и внимательной. Здесь могла подстергать любая опасность, потому она старалась не удаляться от охотничьих троп, которых здесь было множество. Она аккуратно ступала по мокрой от росы траве, пробираясь все глубже. На шее поблескивали защитные амулеты, а на висках тихонько позвякивали многолучевые кольца, отличительный знак их племени.

Пройдя по краю болота, она ступила на небольшую полянку, поросшую редкими соснами, и тут же насторожилась. Покрутила головой, присматриваясь, прислушиваясь, стараясь уловить необычные запахи. От внимательности зачастую зависела жизнь. Вот и сейчас: Нежана сначала почуяла опасность, а лишь потом увидела ее причину. Инстинктивно отступила на шаг. Рука потянулась к прикрепленному на поясе ножу.

- Бер... - едва слышно выдохнула она.

Обычно в эту пору медведь обходил стороной людские тропы и поселения, потому казалось странным, что он двигался в направлении селища. Девушка замерла в высокой траве, неотрывно следя за его движениями, страшась пошевелиться и надеясь, что косолапый ее не учует и не нападет. Но отчего он так странно шатается? Приглядевшись, она заметила рваные раны на теле медведя, из которых сочилась кровь. Он был сильно ранен. Но кем? Охотники не нападали на косолапых в это время. Возможно, он сцепился с себе подобным, а теперь брел меж сосен, теряя силы.

Медведь замер и, подняв голову, повел носом. Из его груди вырвалось глухое рычание, и он медленно повернулся в ее сторону. Сердце Нежаны ушло в пятки. Первым порывом было повернуться и бежать. Но это только раззадорит зверя. А он, хоть и раненый, но окажется ловчее и быстрее нее. Да и куда бежать, за спиной болото. Она неотрывно смотрела в темные глаза шагнувшего к ней зверя. Невольно отступила на шаг. Она будет двигаться пока медленно. Бер не нападет, лишь угрожающе рычит, встав на задние лапы, и теснит ее к болоту. Нежана успела пожалеть, что не взяла с собой хотя бы какое-нибудь оружие, кроме ножа. Она не ожидала подобной встречи. Охотники ходили на зверя с рогатиной. Хотя, о чем она думает? Она все равно не справилась бы. Мальчиков с детства обучают сражаться и быть готовыми к подобным встречам. И то не каждый охотник выживет в схватке с хозяином леса, даже раненным.

У нее оставалась только одно. Успеть убежать, надеясь на то, что раненый, истекающий кровью и умирающий зверь окажется не столь ловок и поворотлив. Она глубоко вздохнула и приготовилась бежать.

Глава 14

Глава 14

Резкий свист взвился в небеса, распугав кружащихся над головой стрижей. Медведь дико заревел и стал разворачиваться. Моргнув, девушка увидела вонзившуюся в его бок стрелу. И тут же вторая стрела прошла шкуру зверя.

Учуяв людей, медведь развернулся и, с оглушающим ревом, бросился на метнувшихся к нему из-за деревьев мужчин.

- Бруш! - Крикнул один из охотников, предупреждая друга об опасности. Бруш бежал вперед, прямо на обезумевшего от боли и потери крови зверя. Его стрела вонзилась прямо в грудь бера. Тот издал очередной дикий рев и стал метаться, угрожающе нависнув над молодым охотником.

С другой стороны, наперерез, рискуя собой, под медведя кинулся еще один мужчина с крепко зажатой в руке рогатиной. *(специальное тяжёлое копье). Вонзив ее между передними лапами зверя, другой конец упер в землю, крепко удерживая ее ногой. Раненый, обезумевший медведь рванул вперед, насаживаясь на острый конец оружия и заслонив воина от ее испуганного взора. И тут первый воин, изловчившись, нанес зверю мощный удар булавой по голове. Медведь завалился на бок, продолжая истекать кровью, но тут же, собравшись с последними силами, рванул вперед, пытаясь подмять под себя воина с рогатиной. Но тот ловко отпрыгнул в сторону, в то время как его приятель нанес очередной сокрушительный удар булавой. Зверь осел и, дернувшись в предсмертной агонии, замер, раскрыв устрашающую пасть.

- Бруш! – к молодому охотнику, осевшему на земле, бросились его товарищи. Нежана сама, чувствуя, как подкашиваются ноги, предпочла присесть тут же, в траву, глядя на поверженного зверя. Самого хозяина леса завалили. Как же так?

Она нехотя перевела взгляд на охотников. Они присели рядом с товарищем, которого зацепил медведь. Она видела, как они уверенными, ловкими движениями людей, привыкших бороться не только с лесным зверем, но и с врагом, помогают своему раненому товарищу. Куском пеньковой веревки пережали руку выше раны, останавливая кровь. После чего один из них, сорвав несколько листьев подорожника, слегка помял их в руках, чтобы выпустить сок и приложил к ране, а второй достал из кожаной дорожной сумы с нехитрым скарбом льняную тряпицу и перевязал рану. При этом он время от времени поднимал глаза к небу, тихо призывая на помощь богов.

Нежана прикрыла глаза, чувствуя, как ее начинает бить мелкая дрожь. Страх отступал.

Рядом слышались шаги. Девушка медленно, словно через силу, перевела взгляд на подходящего к ней мужчину. Ее взгляд скользнул от его ног, в кожаных поршнях и онучам, обвитых пеньковой веревкой, вверх, по серым портам и холщовой рубахе, поверх которой бала надета стеганая безрукавка, затянутая кожаным поясом. На нем висел короткий нож в футляре с костяными накладками, а с другой стороны - кистень, который обычно использовали в ближнем бою. Ничего непривычного или необычного не бросилось ей в глаза. Их мужчины одевались точно так же. Разве что амулет на шее охотника, из зуба медведя и рыси с металлической фигуркой коня, показался ей отчего-то знакомым. Она видела, как, подходя к ней, охотник на миг сбился с шага, словно споткнулся о невидимую преграду. А потом более решительно шагнул вперед.

- Ну здравствуй... Нежана.

По телу пробежала дрожь, стоило ей наткнуться взглядом на сверкнувшие знакомым озорством глаза мужчины.

- Черныш?

Он хмыкнул и качнул головой.

- Радим. Уже давно имя поменял. Али запомывала, лисица? Уголки ее губ слегка дрогнули, стоило услышать знакомое прозвище и такие тихие, родные интонации его голоса.

- А ты все так же дразнишь меня?

Радим присел перед ней на корточки, внимательно вглядываясь в ее лицо.

- Мне нравится, как краснеешь, когда я тебя лисицей зову, - неожиданно признался он, вогнав ее в краску, - и глаза твои ярче вспыхивают. Не ранена?

Она растерянно посмотрела на него. Последний вопрос был задан уже другим тоном. Да и на его лице мелькнуло искреннее беспокойство. Она окинула себя взглядом.

- Нет. Просто испугалась.

- Слава Перну, что нас на эту тропу вывел. Мы услышали медведя и твой крик.

- Я кричала? - девушка нахмурилась. Она даже не поняла этого. Хотя горло немного саднило, наверное, и правда звала на помощь. Ее щеки коснулись костяшки пальцев мужской руки. Она вопросительно посмотрела на него.

- Ты вернулся?

Он молча кивнул и обернулся через плечо.

- Надо попросить прощения у бера, - тихо проговорил он, - и умолить, чтобы его дух в каждого из нас вселился и помог защищать родную землю.

Поднявшись, Радим протянул ей руку. Нежана недолго смотрела на него снизу, прежде чем немного робко вложила пальцы в его шершавую мозолистую ладонь. Ее пальцы тут же крепко сжали и потянули вверх, помогая подняться.

Ничего не говоря, она последовала за ним, невольно подмечая все изменения, что произошли с ним с той весны. Он возмужал. Стал шире в плечах. Крепче. Она ощущала исходящую от него силу и мощь. Уверенность. Девушка бросила быстрый взгляд на его лицо. Небольшой шрам над бровью, почти скрытый упавшими на лоб черными как смоль волосами, и еще один на щеке, частично скрытый небольшой бородой.

Слегка сжала пальцы в его ладони, ощущая грубость и шероховатость кожи рук человека, привыкшего не только держать оружие, но и трудиться не покладая рук. Интересно, как он жил это время? Жену себе взял? И что он делает на их землях, почему решил вернуться?

Она перевела взгляд на двух других мужчин, пришедших с Радимом. Раненый сидел на земле, возле туши поверженного зверя. А второй достал из сумы горбушку хлеба, присыпал ее солью, завернул в пропитанную кровью сородича тряпицу, завязав ее узлом и положив рядом с медведем. Опустившись на колени, уселся на пятки и поднял руки вверх, к небесам.

Радим опустил рядом, в ту же самую позу, потянув ее за собой. Нежана опустилась на колени рядом с ним. Радим достал тряпицу и, промокнув ее в медвежьей крови, отжал на землю.

- Возьму с куста по три листа, в сыром бору, в глухую нору те три листа снесу, поклон дарю, - тихим голосом, нараспев начал он, - вы, боги родные и предки святые, ты, Земля-Матушка, простите. Не со зла на зверя напали. Свою жизнь защищали. Прими земля-матушка дары в обмен на жизнь – каплю крови и хлеб с солью.

Мужчины, потянувшись положили руки на тушу медведя и дружно в один голос произнесли:

- Прости нас, брат, что жизнь отняли. Ты еси, Земли Сырой сын. Она всех нас породила. Прости, коль злобой досадили. Силу свою нам отдай. Чтоб землю защищать, да ворога на нее не пушать. Слава!

Глава 15

Глава 15

Когда обряд завершился, Радим повернул к ней голову. Нежана поймала заинтересованный взгляд и его, и его товарищей на себе.

- Лиса? – удивленно спросил тот охотник, что сидел ближе к Радиму. Она нахмурилась, вглядываясь в бородатое лицо с волосами, собранными в низкий хвост кожаным ремешком. Откуда он ее прозвище знает?

- Не признала? – хохотнул мужчина. - Ну, конечно. Тогда всего ничего виделись. Но я рад, что боги нас свели вместе. Ты нас пожалела, да накормила. А Радим твой – другом верным стал.

В ее сознании вспыхнуло узнавание.

- Волк? – несмело предположила она. Тот радостно кивнул.

- Он самый. А это брат мой, Бруш.

Парень, морщась от боли в раненой руке, слегка склонил голову в знак уважения. Взгляд девушки скользнул к Радиму. Тот наблюдал за ними, прислушиваясь к диалогу. Его глаза странно поблескивали.

- А ты чего одна по зорьке бегаешь? – Устроился поудобнее Бруш, с интересом рассматривая ее.

- Да на сгоревшее селище шла. За огненной травой.

Радим обернулся туда, где, как он помнил, находилось то самое селище. Путь неблизкий.

- Сначала надо вернуться в наше селище, - произнес он, - надо запас мяса сделать, если воевать придется. Да на Перуново капище, волхву послать, чтобы помолился за нас.

Бруш и Волк согласно кивнули головой.

- Наш волхв уж давно покинул эти места, - только и проговорила Нежана, - Ворон его место занял. Да еще слаб он.

Во взгляде Радима что-то неуловимо мелькнуло. Он поднялся.

- Ворон хорошим волхвом станет – молвил он, - отошлем ему мяса, пусть богам жертву принесет. Остальное в селище отнесем, - он окинул взглядом тушу медведя, - да только мы сами не справимся. Огромен хозяин был. Разделять его тут надобно. А Ярило жару нагоняет. Надо помощь звать.

Охотники набрали ветки кустарника и лапы елей, обложив ими тушу медведя, чтобы сохранить ее до прихода радимичей. Быстро переговорив, решили, что в селище с Нежаной пойдет Радим. Он свой, местный. К нему прислушаются. Быстрее отряд соберут. А Волк останется с братом на поляне, поджидать селян.

Радим ловко прикрепил на плечи колчан со стрелами. Прицепил нож к поясу и, кивнув ей, двинулся к болоту. Они быстро преодолели его, знакомыми, едва видимыми их взгляду тропками, и ступили на твердую почву.

Нежана волновалась. Как в селище воспримут возвращение Радима? Да еще с новостью, что медведь убит, ведь весь их род поклонялся ему? Девушка слегка ускорила шаг, нагнав широко шагающего впереди мужчину.

- Радим, - ухватила его за рукав, - как думаешь, нас осудят?

- С чего вдруг? – не глядя на нее, буркнул он.

- Ну мы же медведя завалили.

- Он раненый был. К гибели шел. Да и на тебя сам напал. Нет в том нашей вины. И он сам про то ведает.

Нежана со вздохом была вынуждена согласиться с его доводами.

- Беда не от хозяина леса нас ждать может, - Радим остановился и, откинув волосы со лба, посмотрел на нее немного сверху.

- Откуда?

Его взгляд потемнел.

- Хазарские отряды к нам идут. За данью. С южных радимичей уж собрали. Пришел и наш черед.

- Так они всегда в это время приходят.

- Да. Только вот... князь с низовьев Славутича к кривичам пожаловал. Повелел, чтобы они дань не хазарам, а ему платили. Они к нему на поклон вышли. Согласились.

- А мы?

Радим окинул ее тяжелым взглядом.

- Был я у южных радимичей. Не хотят они к князю на поклон идти.

Нежана прикусила губу, переведя задумчивый взгляд на тихо колышущиеся ветки кустарника.

- Первак тоже не желает. Слышала, как уже не впервой о том старейшине говорил. Мол, это только к раздору приведет.

- Первак? – сдвинул брови Радим, - с каких пор его слушать стали?

Ее взгляд метнулся к его лицу.

- С тех пор, как воротился и «Узел рода» принес.

- «Узел»? – Радим на мгновение опешил, - нашел-таки Радимов курган?

Нежана кивнула. Мужчина почесал подбородок, что-то обдумывая.

- Значит, вот почему волхв велел мне воротиться. Потому что «Узел» у духов забрали.

- Волхв? Наш волхв? – удивилась девушка, - он тебя нашел?

- Да. Велел вернуться, иначе беды всем грозят... - Радим еще больше нахмурился, вспоминая слова волхва. – Он молвил, что пахнут березовым дымом слова клятвы, оцарапают когтями лесного зверя сердце, впуская в жилы вековую дерзость, а лучи-клещи склеят разорванную ветвь семьи. Оберегу нужен истинный хозяин Рода. Тот, кто клянется на крови-возвращать должен долги.

- О чем ты?

Мужчина задумчиво смотрел на нее. Поднял свою руку, повернув ее ладонью вверх, словно пытаясь на ней что-то увидеть. Нежана кинула взгляд на его ладонь, заметив на ней старый белесоватый шрам.

- Не знаю, - пожал он плечами, - это сказал мне волхв перед тем, как отправить сюда. Может, он хотел сказать, что Первак... принес клятву, но не держит слова?

На ее лице мелькнула догадка.

- Или не принес, - тихо проговорила она, - оттого и не должен носить «Узел».

- Потому и долги возвращать надо, - Радим посмотрел вдаль, сжимая пальцы в кулак, - оттого и тучи над нами сгущаются, что духи гневаются на нас. – И добавил тихо, будто про себя: - оберегу нужен истинный хозяин Рода.

- Значит, вернуть его надо! - порывисто воскликнула девушка, услышав последнюю фразу.

По губам охотника скользнула грустная полуулыбка.

- Вернуть, тоже знать как надо, - он оглянулся через плечо, - не силой же «Узел» у брата твоего отнимать? ... Пошли-ка в селище. Разберемся сначала с бером. Да я со старейшинами поговорю. А уж потом решать будем, что дальше делать.

- Придется дань князю платить? – тихо спросила девушка. - Но сможет ли он нам мир дать? Он вон, далече. А хазары здесь, рядом.

- Не так уж и далече, - возразил Радим. – Но то только одним богам ведомо, что лучше для нас будет....

Глава 16

Глава 16

Они вышли из леса на поле, на котором колосилась рожь. Легкий ветерок волнами пробегал по полю, склоняя тяжелеющие головки в приветственном поклоне. Еще три лета назад здесь шумел лес. Потом, на части деревьев зимой подрубили кору у основания, чтобы они засохли. А другую часть деревьев срубили сразу. Таким образом высвободилось будущее поле. По весне погибшие деревья сожгли. Полученная таким образом зола хорошо питала почву, позволяя на несколько последующих лет получать богатый урожай. Вот и сейчас глаз радовался, глядя на богатое, засеянное поле.

Нежана заметила, как взгляд Радима скользнул по полю, вдаль, туда, где за пригорком тихо журчала речка.

В селище уж все проснулись. Приход Радима вызвал переполох. Побросав хозяйские дела за ним устремилась толпа из женщин, детей и стариков. Даже мужчины, переглянувшись последовали туда, куда уверенно шагал вернувшийся сородич. А шел он к землянке старейшины.

- Черныш, - тихо доносился шепот женщин.
- Неужто Радим решил вернуться? – недоумевали старики.
- Ох, что-то приключилось, - доносилось с другой стороны.
- Смотри, каким богатырем стал, - вздыхали девицы.

Нежана зло зыркнула в их сторону глазками и ускорила шаг, подстраиваясь под шаг Радима и стараясь не отставать от него. Не до любовных воздыханий сейчас.

Весть о возвращении Радима быстро облетела селище. И когда он подошел к старейшине Путятю, тот уж спокойно поджидал его, цепко вглядываясь в молодого человека.

Новости о том, что убит медведь, вызвали недовольство на лице Путятю, но оно лишь быстрой тенью мелькнуло, и тут же он вновь, почти безразлично, смотрел на соплеменников.

- Пошлите к Ворону, - коротко приказал он, - пусть испросит у богов, чего ждать недоброго Роду.

Несколько молодых юношей направились к лесу.

- Значит, воротиться решил? – не сводя пристального изучающего взгляда с Радима, спросил Путятя.

Радим спокойно кивнул.

- Отчего же? Али чужая земля не приняла?

- Не чужая она. И приняла, что сына родного, - не моргнув глазом, ответил Радим. – Те, что кривичами зовутся, не хуже нас живут. И тем же богам поклоняются. И дары приносят. Братья мы с ними. Одной земли-матушки дети.

Путятя опустил взгляд.

- Ведомо нам то, - наконец молвил он, - гости с караванов часто про них рассказывают. Да и товары с ними хорошие приносят. У нас же мех белки, лисы да зайца берут. За деревом охотно идут.

- Дерево у них цену имеет, - согласно кивнул головой Радим.

- Отчего там не остался? Коли приняла тебя их земля?

По толпе пробежал согласный гул. Радим никак на него не отреагировал, продолжая спокойно смотреть на Путятю.

- Волхв велел воротиться.

Снова гул. Селяне пораженно перешептывались.

- Наш старый волхв? - недоверчиво подался вперед старейшина. Радим кивнул.

- Поздно воротился! – задиристо выступил вперед Первак, глядя на Радима свысока. - Можешь воротиться туда, где пригрелся. Здесь тебе не рады.

- Первак! – резко осадил его отец. – Не тебе решать. Да и не пристало вперед старших лезть.

Первак злобно зыркнул на отца, но отступил. Радим лишь слегка приподнял бровь, окинув ее брата нечитаемым взглядом. Хотя Нежана, стоя рядом с ним, заметила, как на какие-то мгновения он напрягся, сжав кулаки, словно приготовился к бою. Меж этими двумя всегда ладу не было. Уж и взрослыми мужами стали, Первак вон и жену себе взял, а все так же на Радима петухом наскакивает.

Внезапная мысль заставила девушку внимательнее посмотреть на Радима. А он нашел себе жену? Отчего-то от этой мысли неприятно засосало под ложечкой. Может, там, на той сторонке, его уже любая поджидает?

Путята поднял руку вверх, успокаивая толпу, и, поднявшись, подошел к Радиму.

- Что тебе волхв повелел?

- Вернуться. Нужен я племени здесь. Мол, невзгоды нас ждут.

- Конечно невзгоды, коли косолапого завалили! - крикнул кто-то из толпы.

- Он Радима к нам еще до схватки с бером отправил, - кинул взгляд в толпу Путята, - значит, нет в том его вины. Видит что-то старик. Вот и прислал Радима. Не просто так духи ему имя нашего предка нарекли.

Снова гул в толпе. Кажется, люди решиться не могли. То ли верить вернувшемуся Радиму, то ли нет.

- «Узел»-то у Первака, не у Радима, - снова недовольное бурчание из толпы.

Все посмотрел на Радима. Тот совершенно спокойно пожал плечами.

- Я никогда не пытался быть первым. И не искал «Узел». Зачем? Коль прашуры решат, они и без «Узла» меня верной дорогой направят.

На этот раз гул был явно одобрительный. Путята согласно кивнул.

- Твоя правда, сынок. Оставайся, не вправе мы тебе на порог указывать. Наш ты по крови. И дом твой тут. А то, что по земле ходил... Так кого по молодости не тянет мир увидеть? Может, оно и к лучшему, что посмотрел, как другие живут. Оно и нам всем польза будет.

Нежана облегченно вздохнула. Приняли Радима обратно. Остается решить вопрос с бером. И чего там гонцы у волхва тянут? Где они?

- Ты мне вот что молви, Радим, - продолжил меж тем Путята, - коли уж вернулся. Жену себе взял али все еще ищешь суженую.

Нежана даже дышать перестала. Затихла рядом с Радимом, ожидая его ответа. Ей показалось, что даже толпа притихла. И листва на ветках не колышется.

Радим открыто посмотрел на старейшину.

- Была у меня жена, - его голос в притихшей толпе прозвучал чересчур громко, - из кривичей.

- Отчего с собой не привел?

Радим не отвел взгляда.

- Она на своей земле осталась, - ответил он и замолчал. Путята окинул его мудрым взглядом и кивнул, принимая ответ. А Нежана бессильно уронила руки, прижатые к груди, и отступила на шаг, замутненным взглядом глядя вокруг. Жена. Значит, у него есть жена.

Глава 17

Глава 17

По толпе снова пробежал одобрительный гул. Коль умыкнул себе жену, верить можно. Уж не только за себя, но и за других ответ держать может.

Отчего-то в груди больно стало, и девушка сделала глубокий судорожный вздох.

В последних рядах толпы зашумели и стали расступаться. Нежана оглянулась. Вернулись юноши, что к Ворону бежали. Подойдя, они остановились напротив Путяты и, прижав руки к груди, низко поклонились.

- Говори, - разрешил тот. Вперед выступил один из юношей.

- Ворон спросил духов про бера, - произнес он. - Велел часть мяса засолить, а часть приготовить для сушки и вяления. Кости и внутренности сжечь, да на Велесовом капище в жертву принести.

Велес, бог Нави, зачастую являлся в виде бера. То, что Ворон не забыл про него, велел уважить и поклониться, было верным решением. Он защитит и не даст в обиду тех, кто помнит про него.

- Что еще? – спросил Путята, чувствуя, что гонцы не договаривают.

Юноши переглянулись.

- Волхв повелел тем, кто новости о бере принес, по вечерке на Перуново капище прийти. Духи с ними говорить желают.

Нежана невольно вскинула руки, прижав их к груди, и потрясенно посмотрела на повернувшего к ней голову Радима. Его лицо ничего не выражало, хотя во взгляде мелькнуло непонимание. Тем не менее он вновь обернулся к Путяте и кивнул.

- Я готов.

- Волхв молвил, что их двое. Двое и прийти должны.

Нежане показалось, что сейчас все взгляды сородичей обращены на нее в немом изумлении. Духи на Перуново капище девицу зовут. Где ж это видано? Оно понятно, что Радима повелели позвать. Муж, воин, охотник. А она там зачем?

- Коль сказали, что двоим идти, - хлопнул в ладоши Путята, - пойдут вдвоем. Остальным готовиться к заготовке мяса. Радим отведет вас на место. А ты, - Путята взглянул на Нежану, - иди бабонькам помощи. До вечера время есть. Приготовьте ужин на все племя.

Нежана поклонилась старейшине, принимая его решение. Не оборачиваясь на Радима, быстро пошла прочь. Да и не к чему ей на него смотреть. Что он ей сказать может? Прав был отец. Приглядеться к другим надо. Уж скоро в селище приедут. Хватит в девках ходить, да ждать неизвестно чего.

До самого вечера в селище кипела работа. Старались управиться до захода солнца. Мужчины принесли в кожаных мешках и плетеных корзинах разделанную тушу медведя. А на других носилках – просушенную, пересыпанную золой, чтобы не налетала мошкара, шкуру зверя. Его голову и лапы охотники отнесли глубоко в лес и закрепили на шестах. Теперь, когда будут ходить теми тропами, поклоняться хозяину леса, попросят у него удачи. Вокруг их селища было всего несколько таких полян, где стояли медведи. Им нечасто приходилось убивать бера, может, оттого и жили в миру да ладу?

Нежана туго обвязала последние горшки с перетопленным медвежьим жиром промасленными тряпицами и отнесла их в погреб для хранения. На сегодня было сделано все. Пора уж и на ужин у старейшины собираться. Она ополоснулась водой из корыта, нагретой за день солнцем, и растерла лицо до румяного блеска расшитым полотенцем, висевшим здесь же на

ветке. Поправила волосы и направилась в центр селища. Туда уже стекались освободившиеся от дневных забот соплеменники.

У жилища Путяты поставили несколько столов. Расстелили праздничные скатерти. На столах красовались принесенные женщинами кашники* с ржаной и полбяной кашей, крынки с молоком и братины с медовым квасом. Но самым главным блюдом была медвежати́на- запеченная, сочная, с добавлением ароматных лесных трав и трав, выращенных тут же, на грядках около селища. В отдельных сосудах стояло варево из медвежатины, зерновая каша и отвар из ягод с медом. Все это отнесут на капище, дар убитому хозяину леса.

Селяне подходили к столам, оставляя еду, и поднимались на небольшой холм в центре селища, где стояли их боги. Велес, Перун и Макошь.

Ворон взмахнул рукой, и зазвучали глиняные погремушки. Кто-то стал отбивать ритм в ложки. Зазвучал капшук* и травяные дудки. Ворону протянули сосуд с кровью медведя. Взяв небольшую фигурку Велеса с огромного валуна, Ворон измазал ее кровью и благоговейно поставил на валун рядом с фигурками Перуна и Макоши. Трижды обошел костер, плеская в него кровь и восклицая:

- Возрадуйтесь с нами, боги, и оградите от всяких бед!

Принеся дары богам и попросив у них прощения за то, что невольно убили медведя, селяне вернулись к столам. И началось пиршество. Пели песни, танцевали. Мужчины изображали сцены охоты. Все славили богов, благодарили за дары и просили защитить их род.

Ярило коснулся своими лучами макушек деревьев, намекая на скорый закат, когда на плечо Нежаны опустилась тяжелая рука.

**кашник (маленький горшочек с одной ручкой для подачи густых блюд и каш)*

** Капшук — народный самогучальный музыкальный инструмент. Его изготавливают из хорошо вычищенного, высушенного и надутого свиного пузыря с эсменей сухого гороха или боба внутри.*

Глава 18

Глава 18

Радим подошел к ней, обходя столы, выставленные прямо на улице у селища, недалеко от жилища старейшины. Их соплеменники веселились, казалось совершенно позабыв о произошедшем.

Он слегка сжал ее плечо и встретив взгляд указал в сторону леса.

- Нам пора.

Она кинула взгляд на небосвод. Ярило почти коснулся макушек деревьев, оставляя за своей колесницей оранжево-красные следы. Скоро темное покрывало ночи укроет мир.

Нежана поднялась. Им надо успеть дойти до капища, пока еще светло.

Девушка последовала за Радимом. Выйдя из селища, прошли через засеянное рожью поле и свернули на узкую тропинку, начинающуюся у края леса. Тропинка вилась меж старых дубов и елей. Путь к капищу Перуна был неблизкий. Тропу то и дело перегораживали корни, вылезшие из земли, в воздухе пахло смолой и хвоей. Над головой шумел ветер. А где-то вдали крикнула сорока, словно предупреждая их о чем-то.

Девушка осторожно ступала, придерживая подол льняной рубахи, расшитой по краю красно-черной вышивкой, знаком их племени. Радим шел немного впереди, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Они практически не смотрели друг на друга, но Нежана словно ощущала, возникшую меж ними тонкую нить – молчаливое понимание, когда он подавал ей руку на спуске, быстрый взгляд на нее, когда отводил в сторону низко нависшие ветки.

Нежана шла следом, ловя себя на мысли, что думает о нем. О той далекой земле, где он жил. Он не говорил об этом, но по его отдельным фразам, по молчанию и суровости взгляда она понимала, что чужая земля не была слишком ласкова с ним.

А еще у него там осталась жена. Она есть в его прошлом и в его жизни, как тень, которую не прогонишь.

Когда-то он предложил ей стать его женой, а согласилась бы она, предложи он ей это снова? Сейчас?

Нежана задумалась, бредя знакомой тропкой, и не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Вдруг она замерла. Жалобный слабый вой, почти визг ворвался в ее сознание, возвращая в явный мир. Она сбавила шаг, прислушиваясь.

- Радим!

Он вопросительно обернулся к ней. И нахмурился, приложив палец к губам. Прислушался.

- Волчонок, наверное, в силки попался, - равнодушно пожал плечами и шагнул вперед. Девушка почти занесла ногу для шага, когда вновь услышала этот вой. Не вой, плач. Он царапнул сознание, отозвавшись болью в сердце. Схватив его за руку, Нежана вынудила мужчину замереть.

- Погоди, дай гляну...

- Некогда нам, - грубовато бросил Радим, - волхв с богами ждет.

- Они поймут, - отмахнулась Нежана уже шагая в ту сторону, откуда слышался этот вой-плач.

- Осторожно, - догнал ее Радим, - тут волчья яма.

Его взгляд скользил вокруг, подмечая привычные взгляду охотника знаки, которые они всегда оставляли вокруг, чтобы предупредить других об опасности. Задвинув девушку за спину сам пошел вперед, зорким взглядом читая знаки.

- Здесь звериные тропы, - поравнявшись с ним согласилась Нежана, - наши мужики много добычи приносят с этих троп.

Вскоре тропа обогнула огромный валун и им открылась небольшая полянка.

Радим кивнул и указал рукой вперед. Там светилось темное пятно. Рядом был воткнул длинный шест с тряпицей, тихо колышущейся на теплом ветерке. Овальная яма, ранее присыпанная дерном и хворостом разинула темную пасть. Ловушка сработала. В нее явно кто-то попал. И хоть ловушка была старой, но довольно крепкой. Кто-то явно рассчитывал на крупную добычу.

Нежана подошла ближе, заглянув внутрь. На вбитых в землю колах, на дне ямы лежала погибшая волчица. К ней, жалобно поскуливая и временами подвывая жался волчонок. Небольшой, размером с небольшую собаку, серая шерсть слиплась от грязи, один бок был расцарапан. А в темных глаза плескался ужас. Перебирая длинными лапками по телу матери, он тянулся к ее морде, вылизывая ее и тихо поскуливая. Сердце девушки сжалось.

- Надо его достать, - смаргивая набежавшие слезы прошептала она.

Она шагнула ближе к краю, но Радим перехватил ее, сжав локоть.

- Стой! Земля рыхлая. Обрушится.

Радим молча перевел взгляд с волков на нее и снова обратно. Отступил на шаг, развязывая пояс и стягивая рубаху.

- Яма не глубока, - молвил он, протягивая ей руку, - я тебя опущу вниз. Возьмёшь зверька. Только осторожно. Может укусить. Потом вытяну тебя.

Нежана кивнула. Радим протянул ей рубаху и, вытянувшись на земле, подполз к краю. Она повторила его маневр. Лишь оказавшись рядом, он крепко обхватил ее запястья, осторожно спуская в яму. Ее ноги заскользили по отвесным стенам ямы, но удерживаемая твердой рукой она быстро оказалась на дне.

- Привет, малыш, - расправляя мужскую рубаху она медленно шагнула к волчонку, - можно я помогу тебе? Я не со злом, с добром пришла.

Зверек оскалился и прижался к телу волчицы. Из его горла вырвалось предупреждающее рычание.

- Я только достану тебя, - ласковым тоном продолжала девушка, прикидывая как бы так изловчиться и накинуть на звереныша рубаху.

- Огонёк!

Она вскинула голову вверх. Радим вытянул руку, что-то кинув ей.

- Примани.

На землю упал кусочек засохшего мяса. Нежана улыбнувшись подхватила его и присев на корточки протянула руку к волчонку.

- Ты голодный? - ласково заговорила она. - Долго здесь просидел? Ну же, иди, я тебя угошу.

Волчонок смешно повел носом, покосившись на ее руки. Нежана двинулась чуть вперед.

- Ну же, иди. Я не обижу.

Волчонок несмело шагнул вперед. Его взгляд был сосредоточен на кусочке мяса в ее руке. Осторожно, бочком он подбирался ближе. Нежана раскрыла ладонь, давая понять, то он может взять еду с руки. Быстро мелькнул розоватый язык и кусок исчез с ее ладони. Он принялся его грызть тут же, у ее ног, не отскочив в сторону. Девушка осторожно, чтобы не напугать, протянула руку, легко прикоснувшись к еще нежной шерстке волчонка. Погладила его. Раз. Другой, дожидаясь, когда он доест. Он же, проглотив еду, жалобно и просяще взглянул на нее. Видно, и правда долго просидел в яме. Оголодал. Девушка протянула вторую руку поглаживая зверька.

- Пойдем со мной. Я тебя мясом накормлю.

Она осторожно подхватила волчонка и посмотрела на верх. Радим, лежа на земле, протянул ей руку. Ухватившись за нее, она как можно ближе подошла к отвесной стене ловушки и тут же ее руки вновь оказались в его уверенной хватке. Он потянул ее вскоре она оказалась наверху. Волчонок тут же отполз от ямы, готовый бежать, но вдруг уткнулся мокрым носом в подол девушки, словно ища защиты.

Его рука твердо обхватила ее за талию, приподнимая над землей и отводя в сторону от края ловушки. Через мгновение он ловко вскочил на ноги, глядя на свернувшегося у нее на руках зверька. Девушка протянула ему рубаху, стараясь не смотреть на мощную грудь с перекатывающимися на ней мышцами и на старые шрамы от когтей зверей и от оружия людей. И без слов становилось ясно, что не легкой была его жизнь на чужой стороне.

- И что ты с ним дальше делать будешь? – натянув рубаху и завязывая пояс поинтересовался Радим.

Девушка провела по шерстке прильнувшего к ней волчонка. Он, зажмурившись лънул к ее теплу, подставляя мордочку под ласку. По ее губам пробежала улыбка.

- Останется пока у нас. Сейчас он в лесу сгинет. А там подрастет, да уйдёт.

- Он к человеку привыкнет. Тяжко ему в лесу будет.

Нежана вновь посмотрела на детеныша.

- Я не буду слишком его к себе привязывать. Просто подкормлю и дам крышу над головой, пока он не окрепнет и не сможет жить в лесу.

Радим хмыкнул и бережно взял зверка за шкирку. Тот жалобно пискнул и забил лапками по воздуху, поджимая хвост между лап.

- Это волчица, - возвращая ей волчонка сказал Радим, - ладно пошли. Ворон уж заждался.

Они поспешили к капищу, что на берегу Сожа было, вдали от селищ. Прошли мимо стоящих вдоль тропинки домовин с прахом предков, низко поклонившись и попросив помощи и защиты. Ненадолго задержались около домовины ее родного отца.

- Ты все еще бегаешь сюда? – глядя на деревянный домик на невысокой, слегка покосившейся опоре, спроси Радим.

Нежана слегка пожала плечами, прижимая одной рукой к себе волчонка, а другой коснувшись нагретого на солнце дерева.

- Да, - тихо призналась она, - правда ночами уже не остаюсь. К чему духов беспокоить?

Она поймала на себе задумчивый взгляд Радима и отвела взгляд в сторону. подул легкий ветерок, и в этот момент волчонок, потянувшись ткнулся мордочкой ей в ладонь.

- Что, малыш? - склонилась к нему девушка. А волчонок, тряхнув ушками раскрыл пасть и укусил ее за палец.

- Ай!

Радим тут же оказался рядом, выхватывая у нее зверька.

- Не смей! – крикнула Нежана набрасываясь на него и пытаясь вырвать рычащего щенка.
- Отдай.

- Я говорил, что это зверь!

- Это щенок. Отдай!

Она перехватила его руку, стиснув зверка, который злобно рыкнув вновь ткнулся мордочкой в ее руку. Пытаясь удержать равновесие, она другой, укушенной рукой схватилась за опору с домовиной отца. Взметнувшейся порыв ветра поднял вверх пыль с тропинки и растрепав их волосы.

- Кровь... кровь...

Глава 19

Глава 19

- Кровь....

Тихий шепот ветра коснулся их слуха. Нежана с гулко бьющимся сердцем испуганно подалась к Радиму. Он же лишь бегло огляделся, хмуро сдвинув брови.

- Что это? – дрогнувшим голосом спросила девушка, прижимая к себе дикого щенка, который вновь уютно устроился на ее руках. Радим достал из поясной сумы лоскут и взял ее руку. Оглядел небольшой укус с уже начинающейся сворачиваться кровью и быстро его перевязал.

- Духи, - тихо молвил он и посмотрел на домовину, - мы пробудили духов.

Нежана проследила за его взглядом. На дереве, где она ухватилась за опору, остались кровавые следы.

- Зачем? – внезапно севшим голосом спросила она.

Мужской взгляд скользнул к волчонку. Он слегка склонился вперед, рассматривая его.

- Ты ведь не обычный волчонок, да? - неожиданно мягким тоном проговорил он. – Отец говорил, что зверь, спасенный от смерти, становится вестником судьбы.

- Мне стало легче, когда я взяла его на руки, - тихо призналась Нежана, - будто он забрал часть тяжести. А старый волхв говорил, что звери слышат то, чего не слышат люди.

Слегка склонив голову, Радим прислушивался к тишине, которая бывает на границе леса и поля на закате, перед наступлением ночи, и внимательно рассматривал зверька.

- Я же не против, чтобы он шел с нами, - она поймала его открытый взгляд. - Можно? – спросил он у нее, подняв взгляд вверх и протянув руку к щенку. Нежана кивнула.

Осторожно взяв щенка, Радим поднял его на уровень своих глаз, вынуждая того беспокоиться и смотреть в его глаза. Щенок поджал хвост между задними лапами и по-детски угрожающе рыкнул. Девушка настороженно наблюдала за ними. Наконец Радим вернул ей щенка. Она устроила его в наверхнике, закутывая, словно дитя. Радим же, протянув руку, хотел было погладить того по голове. Но в этот момент перепуганный щенок оскалился и, извернувшись, ухватил его за палец.

Радим лишь скривился, одергивая руку и глядя на капли крови.

- Извини, - пятась от притихшего мужчины и продолжая кутать щенка в наверхник, прошептала Нежана, - он... она защищалась...

Налетевший порыв ветра вновь донес до них тихий шёпот:

- Кровь... кровь...

Радим молча поднял на нее взгляд. Перевел взгляд на мордашку в ее наверхнике и посмотрел на домовину. Последующие его действия стали для девушки полной неожиданностью. Он шагнул вперед, обхватывая опору укушенной рукой, при этом стараясь сделать так, чтобы его кровь смешалась со следами ее крови на старом дереве.

- Как Сварог кузнец, так и я делец, - четко и громко произнес Радим, не сводя с нее пристального взгляда, от которого у ее мурашки побежали по коже, - как Перун бережет, так и я все храню, как Велес ведает, так и я знаю. Деда-пращур, Родичи да сородичи, ревность не чиним, злых дел не творим. По Правде живем. Гой!

Волчонок на ее руках заскулил. Подавшись порыву и тихому дедовскому напеву о призыве духов рода, Нежана протянула руку к домовине отца. Положила ее рядом с мужской ладонью.

- От седых стариков и вещей Родов, - прикрыв глаза, произнесла она, - где слова сильны, а дела удалы, по воле вольной, по своей воле, иду я, внук Дажьбожий, во двери о Чистом Сердце, о Светлом Духе. От Земли Родной до Сварги Златой. Богам родным вовек слава. Гой!

Их взгляды встретились. Тихий вздох ветра. Несколько прядей упали на ее лицо, на миг скрыв от нее его взгляд. Его рука скользнула вниз, накрывая ее ладонь и слегка сжимая. И в этот же миг налетел внезапный порыв ветра. Резкий и холодный, как будто Марена прикоснулась к ним своей ледяной рукой. Трава пригнулась к земле, а в кронах деревьев тревожно вскрикнула птица.

- Ищите... - тихий голос ветра, - ищите...

Она смущенно выдернула руку из-под его ладони и попятилась, кинув взгляд вокруг себя.

- Что это? – прошептала она. Радим тряхнул головой, словно прогоняя наваждение. Окинул придиричивым взглядом все вокруг. Взглянул на домовину ее отца и провел рукой по лицу.

- Радим?

Их взгляды встретились. На ее лице - растерянность и непонимание. На его - решимость и твердость.

- Она нас в мир духов привела, - кивнул на волчонка Радим. - Они что-то от нас хотят.

- Что?

Радим пожал плечами.

- Не знаю... - его взгляд скользнул в ту сторону, куда они шли. – Пойдем в Ворону. Может, он нам правду откроет.

Они обошли домовину по кругу, по древнему обычаю: три шага по солнцу, три земных поклона. Взгляд Нежаны замер на букете полевых цветов у основания столба. Матушка принесла. Не для мертвых. А потому, что сердце помнит, как любило.

Внезапно волчонок вытянул шею и зарычал. Не злобно, а предупреждающе, словно почувствовал что-то, чего они, люди, еще не слышали. Радим посмотрел на него. Волчонок рвался из девичьих рук.

- Пусти ее, - приказала Радим, и девушка опустила щенка на землю.

- Что ты чуешь? – присаживаясь на корточки, спросил мужчина, наблюдая за зверем. Тот фыркнул и принялся разгребать землю у основания домовины.

- Что ты делаешь? - возмущенно вскрикнула Нежана и попыталась схватить волчонка, но тот лишь угрожающе зарычал на нее и вновь продолжил свое дело. Радим отвел ее руки в стороны.

- погоди. Давай посмотрим, - становясь на колени, он подхватил волчонка и сунул его в ее наверхник, тут же закутывая, чтобы тот не вырвался. Нежана крепче стиснула зверьку, прижимая к себе, и чувствуя, как тот недовольно порыкивает.

Радим снял с пояса нож и уверенными, ловкими движениями принялся разгребать землю в том месте, где недавно рылся волчонок. Зверек же, казалось, успокоился, увидев, что человек продолжает начатое им.

Налетевший порыв ледяного ветра, показался им удовлетворенным вздохом усталого духа, долго хранившего тайну.

И все стихло. И в этой тишине Нежана заметила то, на что никогда раньше не обращала внимания. У основания домовины темнело узкое отверстие, скрытое мхом и переплетениями корней. Она присела рядом. Радим сунул руку в лаз и достал бронзовый наконечник, темный от времени и долгого лежания в земле, а рядом – обрывок кожаного ремешка с тиснением в виде молний: знак, понятный каждому, кто читил и поклонялся Перуну. Радим нахмурился, разглядывая найденное. Потом, отложив все в траву между ними, потянулся к нише и принялся копать дальше. Уверенными движениями разгребал землю, пока кончик ножа не уперся во что-то твердое. Они настороженно переглянулись. Отложив нож, мужчина осторожно, чтобы не потревожить домовину, просунул руки в яму и извлек оттуда небольшой ларец, окованный

железом. На его крышке тускло поблескивал узор в виде стрел и молний. Ларец был заперт. Радим поднял на нее встревоженный взгляд.

- Это не простая вещь. Их не бросают у капищ без причины. И если его спрятали здесь, значит, ждали того, кто достоин услышать зов предков.

Нежана невольно придвинулась к нему ближе. По спине пробежал неприятный холодок.

- Может, стоит оставить все как есть? – робко спросила она.

- Оставить, значит пройти мимо судьбы, - с нотками горечи ответил Радим и в его глазах мелькнуло то самое упрямое пламя, которое она всегда в нем видела. Та самая решимость, перед которой склоняли головы враги и злопыхатели.

Глава 20

Глава 20

Радим нес ларец с наконечником. А она, спрятав в карман обрывок ремешка и прижимая к себе волчонка, шла следом извилистой тропинкой через густой лес. В этих местах природа словно охраняла пути к священному месту. Тропинка была узкой, протоптанной ногами многих поколений. Радимичи предпочитали доверять земле и корням деревьев свои тайные тропы.

Местами тропка петляла по мягкой почве с прошлогодней опавшей листвой и почерневшей хвоей. А временами становилась твердой, почти каменистой, со втоптаннами в нее мелкими камнями и серыми валунами по бокам, нанесенными сюда отошедшим когда-то ледником.

То она пряталась между могучими стволами вековых сосен и умудренных, много повидавших на своем веку темных стволов дубов, прочно впившихся в землю своими корнями. То спускалась в низинку, укрытую густым туманом, а затем, петляя, поднималась на пригорки, поросшие разнотравьем с кружащимися над ними шмелями.

Им даже пришлось перебраться через небольшой ручей с ледяной, звенящей родными песнями водицей. По выступающим из воды, словно ступеням, темным, мокрым камням.

Их взгляд выхватывал из тихой тайны леса знаки, понятные им обоим: вот тут, на березовой веточке, колышется лоскут ткани с частью красно-черной вышивки. А за поворотом, на дубовом крепком сучке – плетеная нить с медным колокольчиком, неслышно позвякивающая на ветру. А еще дальше, на развилке у дерева Перуна мощного седого дуба, на небольшом камне – еловые ветки. Значит, здесь им надо остановиться. Поклониться духам этого места, молвить слово уважения этому месту.

Время от времени Радим оборачивался, особенно когда путь становился коварным, не просто чтобы поймать ее взгляд, а убедиться, что она не устала, что с ней все в порядке. И в этих мимолетных взглядах слов было больше, чем во всех ранее сказанных речах. В них была и забота, и тревога, и желание защитить.

Она украдкой смотрела на него, на то, как уверенно он шагает, обходя неудобные места, и в груди становилось теплее. Просто от того, что он рядом.

Лес шептал им свою вековую песнь: где-то стучал дятел, в кронах перекликались птицы, звенела мошкара и шуршали под ногами мелкие зверьки. Казалось, природа и сам лес прислушиваются к их шагам, к их дыханию. Тени становились длиннее, окрашивая мир вокруг в необычные краски. День клонился к вечеру, и они почти приблизились к капищу. И по мере их приближения к священному месту в груди обоих росло чувство тревоги. Словно грядут перемены, неподвластные их воле. То, что навсегда изменит мир вокруг.

Вскоре они вышли на открытую полянку, где под открытым небом, на небольшом холме стояло капище Перуна. Они замерли у края, не спеша выходить на открытое место. Нежана невольно стиснула ткань наверхника, в котором мирно посапывал волчонок.

Ее взгляд замер на темном от времени и дождей, потемневшем от копоти жертвенных огней идоле Перуна в центре. Могучий и суровый. В нем читались и сила грозы, и непреклонность судьбы. Вокруг были уложены огромные камни. На некоторых из них белела зола, на некоторых лежали принесенные дары – зерно и травы. Здесь даже воздух казался другим – он был тяжелее, гуще, словно собиралась гроза.

Радим шагнул на капище первым, как полагалось мужчине, ведущему род и несущему ответ за семью. Из поясной сумы достал горсть зерна и пучок трав. Положил их на ближай-

ший камень и воздел руки вверх, глядя на верховного бога через дым костра, разведенного из дубовых поленьев перед ним. Дым такого костра считался чистым.

- О, Перун-громовержец! Прими на дар. Открой нам верный путь и огради от лжи и наветов. Пусть рука моя будет тверда, а сердце не ведает злобы.

Нежана опустилась рядом на колени и, склонив голову, неслышно, одними губами зашептала молитву богу. Так, чтобы слышал только он. Она просила чисто по-женски. О тех, кто рядом. Защитить их и увести от них беды.

Радим протянул ей руку, помогая подняться, а из-за старого дуба, росшего немного в стороне от капища, вышел молодой волхв. Ворон. А над лесом прокатился далекий раскат грома. Раскатистый и отчетливый. Слово сам Перун подталкивал их вперед.

Он молча замер у идола, глядя, как они приближаются к нему. Его взгляд скользнул по Радиму, потом по девушке и лишь потом замер на волчонке. По губам молодого волхва скользнула едва заметная одобрительная улыбка.

- Зверь пришел с вами. Значит, правильным путем шли.

Нежана наклонилась, опуская волчонка на траву. Тот уселся около ее ног, уставившись на волхва своими темными глазками, словно решая, можно ли ему доверять.

- Да, волхв, ведомо нам то, - кивнул Радим, рассматривая своего давнишнего приятеля, - коли зверь сам идет за человеком, то предки посылают проводника.

- Верно говоришь. Пусть он будет с вами рядом. Он увидит то, что скрыто от глаз других. Но вижу, не только со зверем пришли, - взгляд Ворона замер на ларце в руках Радима. Тот шагнул вперед, опуская ларец на камень.

- Нашли его под домовиной ее отца, - пояснил Радим. Зрачки волхва на мгновение расширились, и он тут же опустил голову, пряча выражение лица от них. - Можешь, открыть тайну, что это?

Ворон медленно протянул руку и взял ларец.

- Ты пришла с памятью об отце и со спасенным зверем. Это не случайность. Твой отец был великим воином и охотником. Я не смогу открыть этот ларец. Надо просить об этом духов. Но вы должны понять, что, открыв ларец, вам откроется и тайна, им хранимая. А она может изменить ваши нити жизни. Готовы ли вы к этому?

Нежана кинула взгляд на застывшего рядом Радима.

- Я не боюсь правды, - тихо призналась она, - просто боюсь, что она отнимет у меня последнее.

Ворон чуть склонил голову, глядя на нее не по годам мудрым взглядом.

- Правда не отнимает память. Лишь делает ее тяжелее. Но закаляет, словно железо в огне.

Нежана слушала Ворона, переводя растерянный взгляд с ларца на волхва, потом обратно.

На лице и в глазах молодого волхва читалась растерянность. Он словно позабыл все слова и обряды, которым когда-то обучался. Его взгляд скользил по грозовому небу, словно искал там ответ. Губы тихо шептали обрывки молитв. Он не знал, как поступить. Хорошо, что ларец закрыт и у них нет ключа. Почему-то ему было страшно заглянуть внутрь.

Прямо перед ними сверкнула молния. Нежана от неожиданности вскрикнула и дернулась к Радиму. Его рука обвилась вокруг ее плеч в успокаивающем жесте. Дым костра взметнулся вверх, смешиваясь с тяжёлым, сырым воздухом, пропитанным запахом грозы и влажной коры. Ветер рванул по поляне, взвихрив пепел и клочья дыма, закружив их в хороводе.

Казалось, пробудившиеся духи кружили над капищем свой безумный танец. Нежана жалась к Радиму, чувствуя, как под грубой тканью его рубахи бьётся сердце - ровно, но быстро, словно перед прыжком с обрыва в бурную реку. Её пальцы судорожно теребили край вышитого пояса. А в глазах дрожали отсветы молнии, мгновение назад ослепившие ее.

Ворон застыл, словно окаменевший идол: плечи ссутулены, пальцы скрючены и подрагивают, в слабой попытке ухватить ускользающие от него слова древних заговоров. Казалось, в этот миг вся его мудрость рассыпалась, как зола по ветру, а Перун громкими раскатами грома настойчиво взывал к его памяти.

Ларец между ними, казалось, стал массивнее, тяжелее. Тёмное дерево, покрытое резными узорами, в отсветах молний оживало, завораживало и сплетало линии на поверхности в замысловатые узлы, похожие на переплетённые судьбы. А в углублениях резьбы таилась густая тень, словно тьма подземного царства готовилась вырваться наружу.

Линии на крышке становились четче и вот уже в них можно было узнать знакомый образ - переплетённые кольца, символ Узла Рода. Только сейчас он выглядел не как оберег, а как печать, удерживающая нечто древнее и беспокойное. Металл застежек тускло поблескивал, а воздух был душным и горячим перед ливнем.

Ещё одна молния расколола небо - на этот раз так близко, что воздух загудел, как натянутая струна. Гром ударил следом, прокатившись по лесу волнами, и деревья отозвались скрипом стволов и шорохом листвы, будто перешёптывались:

«Не открывайте. Не сейчас. Не вы».

И вдруг среди этого хаоса звуков раздался иной голос - не человеческий, не звериный, а словно шелест ветра, сложившийся в слова. Он шёл не извне, а будто изнутри самой земли, из корней, из курганов за спиной, из самой памяти рода.

- Тот, кто ищет ключ, должен ответить: готов ли он нарушить покой предков? - прозвучало в тишине, наступившей после раската.

Ворон вздрогнул и поднял глаза - уже не растерянные, а полные внезапного понимания и ужаса. Он наконец вспомнил главное правило, которому его учили, но которое в суете дней почти стёрлось из памяти: нельзя будить силу, не зная, сможешь ли её укротить.

В раскате грома и отсветах сверкающих молний на них мудро смотрел Перун.

- Ларец хранит клятву, что была дана, когда Род стоял на краю гибели. Узел не давал прорваться силе, хранимой в ларце. Теперь же эта сила манит к себе чужаков с дальних земель. Пока узел вновь не запечатает ларец, грядут беды. Тени тянутся к вам из-за реки, из чужих земель, где забыли своих богов.

Нежана медленно отняла руку от плеча Радима и сделала полшага вперед - не к ларцу, а к волхву. Ее голос, тихий, но твердый, прорвался сквозь шум ветра,

- Мы не хотим беды. Мы просто хотим понять... и защитить то, что нам дорого.

Ветер стих на мгновение, словно прислушиваясь. А потом снова взвыл, унося слова в темноту, и где-то вдали, за курганом, отозвался одинокий волчий вой - то ли предупреждение, то ли знак, что духи услышали.

Глава 21

Глава 21

Радим подтолкнул ее под навес среди кустов лещины и придвинул ближе ларец, устроившись рядом. За ними, низко склонившись, вошел Ворон.

Усевшись за небольшим столом, они некоторое время молча смотрели на ливень, слушали раскаты грома, обдумывая то, свидетелями чего только что стали. Молнии уже не рвали небо, но тучи низко нависали, не желая уходить и окружая все вокруг тревожной тишиной.

- Я не стану открывать ларец, - не глядя ни на кого, проговорил Ворон, - сила, что в нем пробудилась, слишком опасна.

Он смотрел сквозь ларец, в самую тьму и, казалось, видел то, что уже просачивалось сквозь щели и грозило гибелью. Его руки то сжимались, то разжимались. Он словно боролся сам с собой и готовился к тому бою, который, возможно, унесет не одну душу.

Радим повернул к нему голову.

- Ворон, ты провел обряд. Призвал силу Перуна, чтобы она оберегала нас всех, - его голос был тверд, но в нем слышалась осторожность, - почему же сейчас ведешь себя так, словно ждешь удара?

Ворон резко поднял голову. Их взгляды встретились. И во взгляде молодого волхва мелькнул не просто страх, а тот самый ужас, который появляется, когда человек вдруг осознает, что пробудилось нечто, что он не в силах укротить.

- Я это слышу, Радим, - дрогнувшим голосом прошептал он, - я слышу эту силу. И она не слушается меня. Она пришла не по зову. Она всегда была здесь, но ее сдерживала печать.

- Печать? – тихо спросила Нежана. Ворон устало взглянул на нее.

- Узел Рода. Когда его украли, печать треснула и зло вырвалось наружу. Я не знаю, что случится, если открою ларец. Пока зло еще не обрело всю мощь. Но... - он обхватил голову руками. Вся его поза выражала отчаяние и безысходность.

Девушка прижала ладони к груди, будто сдерживала рвущееся наружу, то ли от страха, то ли от любопытства, сердце. Она наклонилась вперед, потянувшись к Ворону, и легко коснулась его напряженных плеч.

- Ворон, но если эта сила вырвется, то она погубит наш Род, - тихо, почти шепотом проговорила Нежана, - значит, мы не должны дать этой силе вырваться.

Ворон горько усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья - только усталость и тяжесть знания, которое легло на его плечи слишком рано.

- Ты не стоишь на пороге бездны. Легко говорить о храбрости. Меня с детства учили обрядам. Учили, как говорить с духами, узнавать то, как поступить, просить у них защиты и покровительства. Но никто не учил меня, что делать, если мир становится тоньше. Если между нашим миром Яви и миром Нави появляется трещина. А она уже появилась. Не сегодня. И не вчера. И я это чувствую, Нежана. И я боюсь, что, если открою этот ларец, станет только хуже.

Радим нахмурился. Посмотрел вдаль, где небо уже начинало светлеть после грозы. Провёл ладонью по лицу, стирая остатки дыма и пепла, осевшего на коже после обряда. перевел взгляд на ларец, потом на Ворона. На его лице отразилось не раздражение, а понимание - тяжелое, горькое и настоящее.

- Значит, мы не откроем его сейчас, - решил Радим, и в этом решении прозвучала не слабость, а ответственность, уверенность в своих словах поступках. - Не только потому, что ты боишься. Просто если это может привести к гибели рода, мы не можем так рисковать. Пусть ларец пока останется у тебя. Храни его как зеница ока. А мы решим, что делать дальше.

- Надо вернуть Узел Рода, - тихо подсказал Ворон, устало взглянув на Радима снизу вверх, - потому что Узел был украден, нарушено равновесие, и любая сила откажется нам подчиняться, - сквозь зубы проговорил он.

- Узел у Первака, - пряча взор, молвила Нежана, - он его носит, не снимая.

- Придумаем что-нибудь, - рассек рукой воздух Радим.

Ворон обреченно взглянул на него.

- А что, если уже поздно? Что, если Первак уже переступил черту, и возврата обратно нет? Будем просто сидеть и ждать, когда эта сила вырвется наружу, причинит зло и уничтожит наш род?

- Мы вернем Узел, - твердо, с не меньшей решимостью, чем у Радима, произнесла она. Его взгляд скользнул по ее лицу. В ней, в ее взоре, горела та самая решимость, которую редко замечают в молодых девицах, но та, которая бывает крепче стали. В его собственных глазах вспыхнуло и тут же погасло то самое чувство, которое он таил глубоко внутри. Но на краткие мгновения оно смогло прорваться, осветив его лицо.

- Нежана права, - Радим вновь посмотрел на Ворона, - мы придумаем, как вернуть узел. Не для того, чтобы доказать свою силу и ловкость, а для того, чтобы наши дома не горели, чтобы наших жен не угоняли в плен, а дети могли спать спокойно. «Узел» - это наша связь с предками, а без нее мы что дерево без корней. Крона густая, да погибнем слишком быстро.

Во взгляде девушки на него отразилась целая гамма чувств и главным из них была гордость. Она даже не пыталась ее скрыть. Несмотря на то что он жил на чужбине, он не потерял любви к своей земле и своему роду. Эта связь в нем осталась сильна и он готов был сражаться за это, защищать и оберегать.

- Да, мы не будем открывать ларец. По крайней мере, не сейчас. Но мы должны вернуть узел. И чем быстрее, тем лучше. Потому что эта сила, о которой говорит Ворон... она не ждет. Она растет. И если мы опоздаем, даже Перун не сможет нас защитить.

Ворон медленно кивнул, и в этом движении было признание своей слабости. И одновременно готовность бороться дальше.

- Хорошо бы старый волхв вернулся, - со вздохом проговорил Ворон, с тоской взглянув вдаль, на темное ночное небо. - Он бы смог обуздать эту силу и наложить печать. Мне же остается только следить за знаками. - Последние слова он произнес уже спокойнее, будто сам разговор помог ему вернуть часть самообладания. - За грозами, за снами, за криками птиц. Что-то подскажет нам, как вернуть «Узел». И пока мы не вернем его, к ларцу никто не прикоснется. Клянусь.

Радим положил руку на плечо Ворона. Не сильно, но твердо, как кладут руку на плечо друга, чтобы тот почувствовал: он не один.

- Мы вернем его вместе, - поклялся Радим. - Род держится не на одном человеке. Он держится на всех нас. И на нашей верности друг другу.

Они сидели втроем у жертвенного камня, глядя на темный ларец, который теперь казался не столько сокровищем, сколько предупреждением. Ветер шевелил траву на склоне, и где-то далеко, за лесом, снова глухо пророкотал гром. И в этом они слышали шепот предков: время идет, и каждый миг на счету.

Глава 22

Глава 22

Солнце едва поднялось над кромкой леса, окрасив крыши полуземлянок в теплый медовый цвет. Еще с вечера приехали старейшины соседних родов и селищ по зову Путята. Им предстояло решить важный вопрос. Помимо того, кто на этот раз повезет дань хазарам к южным границам, надо было решить, что делать, коли новый князь встанет у границ и будет требовать покориться.

На поляне у священного дуба, где издревле собирались все роды радимичей, уже толпился народ: старейшины всех приглашенных родов рассаживались на резных лавках, молодые люди, едва вступившие в пору зрелости, держались чуть позади, а женщины с детьми стояли за ними, по краю, вслушиваясь в каждое слово. Воздух был наполнен запахами свежескошенной травы и дымом костров, а над селищем висела звенящая тишина.

Путята, суровый и прямой, закаленный многолетними нелегкими решениями на благо своего рода, первым поднялся на возвышение из тесаных бревен. Его голос, хоть и негромкий, разносился по всей поляне:

- Братья и сестры, пришел час решать нашу судьбу. Князь шлет своих гонцов: требует платить ему дань, как прежде платили хазарам. Говорит, что под его рукой будет нам защита от любых врагов. Но что знаем мы об этом князе? Что принесет нам его покровительство - силу или новую напасть?

В толпе зашумели. Кто-то согласно закивал, вспоминая рассказы торговцев о дружинах князя, негромко передавая молву о том, как он покоряет города и ставит везде свою волю. Другие недовольно хмурились, помня тяжесть хазарской дани и в то же время опасаясь новых порядков и не желая менять одну власть на другую.

Тут вперед шагнул Первак - крепкий, жилистый, с упрямым взглядом. В его глазах читалась жажда власти, а рука невольно сжала висевший на груди «Узел». Он хотел лишний раз показать всем, что он стоит во главе и его должны услышать все собравшиеся.

- Хазары знают нашу силу, - заговорил Первак, стараясь, чтобы голос звучал твердо. - Мы платили им, и они не трогали наши земли. А новый князь - чужак. Его дружины пройдут по нашим землям, как буря по лесу. Зачем менять известное на неизвестное? Пусть остаются прежние порядки!

Его отец, молча слушавший речь сына, тяжело вздохнул и медленно поднялся. Казалось, каждое движение отзывалось в нем годами забот о семье и роде. Однако его взгляд был устремлен не на сына, а куда-то поверх голов, в сторону далеких курганов, где, по поверьям, спали предки.

- Ты говоришь о силе, Первак, - его голос прозвучал глухо. - Но сила не только в мече. Хазары берут с нас просто дань, они не берут нашу волю, они не лезут в наши общины, не учат молиться другим, чужим богам. Да, они каждый год требуют новых коней и мехов. Мы становимся тенью самих себя. Новый князь обещает союз. Он строг, но, может, именно такая рука нужна нам, чтобы не рассыпаться на части перед лицом новых угроз?

Главы других родов переглянулись. Один из них, крепкий мужчина с седой бородой, хлопнул ладонью по колену:

- А если князь придет не с предложением, а с мечом? Что тогда? Мы откажем ему - и завтра его дружина встанет у наших ворот. Хазары далеко, а этот князь - рядом. Я не хочу видеть дым над своими домами.

Другой старейшина, постарше, с лицом, изрезанным морщинами, поднял руку, призывая к тишине:

- Не спешите с ответом. И в вашем селище и еще в нескольких был убит хозяин леса, медведящий. «Узел» не у того, кого, по слухам, выбрал Радим, прашур наш, приведший нас на эти земли. Род теряет единство. Боги гневаятся. Прежде чем решать, кому платить дань, нам нужно вернуть то, что утеряно. Иначе любая клятва будет пустой, а любой союз - хрупким, как лед на весенней реке.

При этих словах Первак побледнел. Радим же внимательно смотрел на него немигающим взглядом, будто читая его мысли.

- Стоит ли говорить о клятвах, когда здесь есть тот, кто все видел своими глазами? Он знает каково живется под властью князя, и стоит ли с ним идти на сговор?

Старейшины, сидя на резных лавках, хмуро переглядывались, а толпа позади них то затихала, то снова роптала, будто волна, бьющаяся о берег.

Радим поднялся. Медленно, будто каждое движение давалось ему тяжело. В его осанке была и сила, и груз ответственности. Он провел ладонью по вискам, собираясь с мыслями. Он знал порядки нового князя. Слишком долго он жил среди кривичей, видел, как новый князь собирает земли, как его дружины ходят от города к городу. Где-то словом, а где-то мечом подчиняет князь себе земли племен. Он понимал: времена меняются. Но знание это не делало выбор легче. Он обвел тяжелым взглядом толпу. Тишина стала до того напряженной, что казалось, даже воздух звенел.

- Я видел, как живет земля под рукой нового князя, - начал Радим, и голос его звучал ровно, тихо, оттого казался ещё весомее. - Его дружины не грабят свои города. Его воины не берут лишнего, потому что князь сам следит за порядком. Да, он строг. Да, слово его - закон. Но разве лучше, когда нас гнут хазары, забирая не только меха и зерно, но и наших отроков, чтобы ставить их в свои ряды? Разве лучше, когда каждый год мы теряем часть себя?

Он на мгновение запнулся, а взгляд его невольно скользнул к Нежане, стоявшей чуть поодаль от толпы, в тени дерева. Она куталась в льняной платок, и в её глазах читалась тревога. Мужчина тут же отвернулся.

К нему угрожающе шагнул Первак. Он встал напротив Радима, широко расставив ноги, словно готовясь к схватке. В его позе было столько упрямства, что даже старейшины невольно подались вперед, прислушиваясь.

- Ты говоришь о порядке, Радим, - резко бросил Первак, и в его голосе звенела давняя обида, копившаяся годами. - А я говорю о свободе. Хазары далеко. Их дань тяжела, но мы знаем её меру. А этот князь придёт с дружиной, поставит своих людей, и завтра нам уже нельзя будет и шагу ступить без его дозволения. Мы станем не радимичами, а рабами!

Он умолк и оглядел толпу. В этом движении было столько уверенности, будто он заранее знал, что многие с ним согласятся. По толпе пробежал нестройный гул.

- И потом, - добавил Первак уже тише, но от этого его слова прозвучали ещё страшнее, - разве мы забыли, как живут те, кто уже под рукой князя? Их земли топчут чужаки, их девиц увозят в дальние города, их старейшин заставляют кланяться. Разве этого мы хотим для наших детей?

Радим стиснул кулаки, но сдержался. Он помнил, как они с Перваком ещё мальчишками бегали по этим лесам, как спорили из-за каждой мелочи, как дрались до ссадин, а потом вместе прятались от гнева отцов. Их соперничество тянулось годами, становясь всё острее, пока не превратилось в нечто большее, чем просто мальчишеская вражда. Теперь на кону стояло не первенство в игре, а судьба всего племени.

- Ты видишь только тень, Первак, - спокойно возразил Радим, стараясь не дать гневу взять верх. - А я - дорогу. Да, перемены страшны. Но разве мы будем вечно прятаться за старыми обычаями, пока мир вокруг нас меняется? Да, он не идеальный князь, я не говорю этого. Но он даёт защиту. Он объединяет земли, чтобы мы могли стоять против тех, кто захочет нас покорить. Разве это плохо?

Первак фыркнул, но в его глазах мелькнуло что-то ещё - не только злость, но и страх. И Радим вдруг понял: Первак боится не столько князя, сколько того, что сам потеряет ту власть, которую обрел, украв из кургана «Узел».

- Пока князь предлагает мир. Он и его дружина, это не хазары, - Радим обвел взглядом собравшихся мужей. - Это хазары боятся леса и топей. Не сунуться сюда, на наши земли. Но дружина князя намного сильнее. Не хуже нас знает леса и в случае отказа будет вести бои не там, на просторных полях и лугах, а здесь, на наших землях. Будет выжигать наши селища, пока мы не покоримся.

- Говоришь, что мы должны пойти на поклон к князю? - взвился Первак.

Радим спокойно встретил его гневный, полный ненависти взгляд.

- Говорю, что не надо торопиться. Надо все обдумать. И выбрать верный путь.

- Твой путь приведет нас к гибели! – сжимая кулаки, шагнул к нему Первак.

- Как и твой. Разве что, пойдя мы твоим путем, наш род погибнет быстрее под гневом князя в костре пожарищ. Если же мы примем его, у нас будет шанс выжить и сохранить наших детей и земли.

Старейшины переглянулись. Путята поднял руку, призывая к тишине.

- Довольно спорить, сыновья мои, - проговорил он, и голос его, хоть и тихий, перекрыл все остальные звуки. - Вы оба говорите правду, но лишь её половину. Радим видит дорогу вперед, а Первак помнит заветы отцов, приведших нас сюда. Но сейчас нам нужно не выбирать между двумя страхами, а найти путь, который сохранит нашу силу и наш род.

Он медленно поднялся и подошёл к ним, встав между Радимом и Перваком, словно пытаясь удержать их от окончательного разрыва.

Собрание закончилось в сумерках. Решение о дани так и не было принято. Решено было отвести оговоренную дань хазарам, к южным границам. И в числе тех, кто пойдет с обозом, был и отец Нежаны.

Селяне и их гости медленно разбредались по селищу. Но все они догадывались: главное испытание ещё впереди. И от того, как они пройдут его, зависела не только судьба рода, но и сама душа племени радимичей.

Глава 23

Глава 23

Последующие дни в селище сменяли друг друга в быстром хороводе дел и забот. Старейшины родов готовили обозы, которые пойдут к южным границам. Мужчины готовили оружие, целые дни проводя в кузне. Женщины штопали одежду и собирали в путь обоз с провизией. Путь предстоял неблизкий, по сложным дорогам, сквозь густые леса и глубокие топи.

Выйдя с утра на крыльцо, Нежана глубоко вдохнула. Над селищем висел туман, смешанный с запахом горящих дров, дым от которых выходил через отверстия в крыше жилищ, крытых дранкой или соломой.

Выбравшись из-под лавки, и потянувшись, к ней подбежал волчонок. Улыбнувшись, девушка присела, почесывая его за ушком.

- Привет, Серая, - ласково заговорила она, - вот и еще один день настал. Завтра поутру отец в путь уйдет. Боязно мне, Серая. За него Первак останется. Не ладится у меня с ним. А еще тут Угрюм давеча пришел. Смотрит на меня, глаз не отводит. И улыбается так, что в речке умыться хочется.

Волчонок уселся у ее ног и посмотрел на нее просящим взглядом.

- Есть хочешь? – рассмеялась девушка. - погоди, сейчас принесу.

- Нежана.

Она вскинула голову на звук имени. Из-за угла, широким шагом вышел Радим, неся в руке пару зайцев. Остановился напротив, кинув взгляд на волчонка. Едва заметно улыбнулся и склонился, поглаживая подбежавшего к нему зверя.

- Вот, я ей поесть принес.

Добыча была тут же выхвачена из его рук острыми зубами молодой волчицы и утащена в кусты. Нежана невольно рассмеялась.

- Задабриваешь ее? – сверкнула в его сторону озорным взглядом. Радим выпрямился, пожимая плечами. На его шее тихонько звякнули защитные амулеты, а повязка на лбу была пропитана потом.

- Мы ее нашли. Я за нее тоже ответ несу перед богами, что ее на наш путь направили.

Она слегка склонила голову, разглядывая мужчину перед собой. Вот ведь странно. Ворон, хоть и стал волхвом, не воспринимался ей, как муж. В нем она все еще видела неопытного, сомневающегося во многом юношу. Во взгляде которого порой мелькала та самая растерянность, что была в детстве, когда он терялся перед грозой или темной чащей. Как и во многих других парнях, выросших с ней.

А вот на Радима смотрела иначе. Еще до своего ухода он уже проявлял стойкость духа, был верен словам и шел всегда до конца, какие бы препятствия не вставали на его пути. В нем не было той напускной бравады, какой кичился всегда ее брат и тот же Угрюм. В Радиме была спокойная уверенность человека, который не один раз смотрел опасности в лицо, не отводя взгляда.

Он твердо стоял на земле, расставив ноги. Родная земля радимичей держала его, не давая пошатнуться. На его лице не было былой мягкости. Лишь резкость прожитых лет от тяжелых дорог и принятых нелегких решений. И от него исходила какая-то надежность. Она понимала, что сейчас не время думать об этом, особенно перед лицом беды, что надвигалась на весь род радимичей. Но сердце продолжало упрямо твердить, что рядом с ним даже тьма будет не столь пугающей, а буря – беспощадной. И отчего-то от этого становилось и спокойно, и тревожно одновременно.

- Нежана?

Его голос и вопросительный взгляд вырвали из раздумий. Она моргнула, понимая, что он ей что-то говорил, но она настолько погрузилась в свои мысли о нем, что не слышала ни слова. Ее щеки вспыхнули румянцем, и девушка опустила взгляд.

Он приподнял ее лицо, ища взгляда.

- Что-то случилось? – тихо спросил он, и в его взгляде мелькнула тревога.

- Нет, - высвобождаясь и отходя на шаг, с гулко бьющимся в груди сердцем ответила она, - просто я... - она посмотрела на стоящие вдали обозы, - отец завтра уходит.

Радим проследил за ее взглядом.

- Он вернется, - уверенно проговорил он, - им дорога хорошо знакома. Да и хазары не станут нападать, рискуя потерять добычу.

- Знаю... просто...

В этот момент дверь за ее спиной громко скрипнула, и на крыльцо вышел сонный Первак, почесывая грудь в распахнутом вороте рубахи. На его груди тускло блеснул «Узел». Окинув их взглядом, он странно усмехнулся и прошел мимо, толкнув ее плечом. Взгляд Радима потемнел.

- Стой! – прошептала Нежана, хватая его за руку. Радим уж было дернулся в сторону ее брата, но она успела его остановить. - Не время петушиться и детские обиды выяснять. Нам о другом думать надо.

Его тяжелый взгляд, казалось, вдавил ее в землю.

- Он не смеет так с тобой обращаться! - его голос прозвучал глухо, словно раскат грома за лесом. Его кулаки сжались, словно он хотел пойти за ее братом и раз и навсегда положить конец его издевательствам над ней.

- Я уже привыкла, - отмахнулась Нежана. В ее жесте была усталая привычка прятать обиду, как прячут огонек в ладонях, чтобы ветер не затушил его. - Сам знаешь, с того времени, когда отец мою мать в дом привел, Первак невзлюбил меня. Чего теперь уж кулаками махать? У меня один путь. Найти мужа и уйти. Тогда и Первак перестанет мне досаждать.

По лицу Радима пробежала гримаса. В глазах полыхнула ревность. Но не просто мальчишеская обида, а нечто более тяжелое и горькое. То, от чего в груди внезапно стало темно. Он хотел сказать ей, что не стоит искать спасения в чужом доме. Что не позволит этого. Но слова застряли в горле. Он пустым взглядом обвел двор и решительно шагнул к ней, нарушив границы дозволенного. Тихо, так, чтобы слышала только она, произнес:

- Не стоит искать мужа не по сердцу. Ты достойна лучшего. Первак не имеет права топтать тебя и твою честь.

Девушка вскинула на него глаза. В них мелькнула не просто благодарность. В них загорелась робкая, как первые лучи солнца над лесом, надежда. Но она тут же опустила голову, пряча взор.

- Ты многого не знаешь... И говоришь так, потому что мужчина. А Первак... он найдет, как сделать мою долю горше, - она запнулась и обхватила себя руками, - если уже не нашел...

Мужчина нахмурился, чувствуя, что за этими словами стоит большее, чем привычные колкости Первака.

- Что он сделал? – в его голосе прозвучала жесткость, готовность стать между ней и бедой.

В ее памяти всплыли слова Первака о том, что ее замуж хочет взять Угрюм. И те взгляды, которые она ловила на себе от его товарища. Но стоит ли в это втягивать Радима? Может, она ошибается и ей удастся избежать напастей брата? И он не даст Угрюму согласия умыкнуть ее? Она покачала головой.

- Ничего такого, что нельзя стерпеть... Просто... он ведет себя так... словно у него есть право решать судьбу каждого в нашем селище. Вчера услышала, как он бросил жене, что сам будет выбирать, кому жить в чести, а кому на обочине... Мол, он стоит «у-рода» и никто не смеет с ним спорить. «Узел» предки ему доверили...

При этих словах лицо Радима потемнело. «Узел рода» - не просто вещь, а знак силы и памяти предков. То, что Первак завладел им, это не просто дерзость - это вызов всему роду.

- Он лжет, - сквозь зубы процедил Радим, но даже он не до конца верил своим словам, - не могли предки его ему доверить. Он его украл. Но мы найдем, как вернуть все на свои места. И тебе не придется прятаться и искать спасения у чужих. Мы вернем «Узел» Роду, а Перваку напомним, где границы, которые нельзя переходить!

Ей на миг захотелось возразить. Сказать, что спорить с Перваком – навлечь лишние беды на себя. Но, натолкнувшись на его взгляд, она смолчала. В его взгляде было столько твердости, что слова замерли на губах. И уже не впервые за последнее время она поймала себя на мысли о том, что рядом есть тот, кому можно довериться. Кто не предаст и встанет рядом, отводя беду от нее.

Где-то в глубине леса прокричала птица, и этот резкий, тревожный звук будто напомнил им обоим, что день не стоит на месте, и тени, что ползут от курганов, становятся все длиннее.

Глава 24

Глава 24

Солнце клонилось к закату. Накормив скотину, Нежана возвращалась к дому, когда ощутила на себе липкий взгляд. В душе вспыхнула тревога. Это чувство было ей уже знакомо. Оно всегда клокотало в груди, когда Угрюм оказывался поблизости. А тот словно преследовал ее. Причем всегда старался застать ее одну.

Недавно застал ее у колодца, в полдень, когда женщины ходили за водой. Он нарочно так встал у сруба, чтобы она не могла его обойти.

Девушка окинула его спокойным взглядом.

- Вода нужна всем. Не стой поперек дороги, а то люди молвят, что ты против рода идешь.

Женщины у колодца замерли. Перечить мужчине у колодца было дерзостью. Однако ее слова сбили с него спесь. Он хотел увидеть слезы или страх, а получил упрек. Он отступил в сторону, но взгляд его стал тяжелее.

А на другой день, когда делили добычу и старейшины раздавали мясо родам, Угрюм грубо отодвинул одного из ее младших сородичей и ухватил самый крупный кусок. Это сильно задело девушку, и она подошла к нему. Тихо, но так, чтобы услышали те, кто рядом проговорила:

- Сила не в том, чтобы урвать себе кусок пожирнее и побольше, а в том, чтобы хватило и слабым.

Угрюм вспыхнул и окатил ее недобрый взглядом.

- Тебе какое дело, девка? Не тебе решать, кому сколько.

Она холодно окинула его взглядом и, прежде чем отойти, добавила:

- Коль берешь, как старший, то и веди себя так же, а не как голодный волк.

Ее слова прозвучали насмешкой, что разозлило Угрюма еще больше. Откинув урванный кусок, он быстро ушел под смешки толпы. А Нежана поймала едва заметный одобрительный взгляд Радима и его легкий кивок. Он молчаливо одобрил ее действия и выдержку.

А сейчас он застал ее одну. Рванул к ней, хватая за руку и прижимая к деревянной стене.

- Чего бегаешь от меня, будто лань? – его голос звучал низко, с глухим злым рыком. – Пора понять, не будет у тебя иной доли. Моей будешь. В мой дом войдешь! В сытости жить будешь!

Нежана стиснула пальцы, поднимая на него взгляд. В нем было все: и усталость, и вызов.

- Не нужна мне твоя сытость и твой дом. Мое место там, где сердце укажет, а не там, где ты хочешь.

Его глаза полыхнули опасным пламенем, и он сильнее вжал девушку в стену. Его губы коснулись ее щеки. Нежана отвернула голову в сторону, укорачиваясь от его мокрых губ. Он недобро хмыкнул.

- Твое сердце - всего лишь блажь. А я мужчина. И слово мое-тверже камня. Ты станешь моей женой!

Она уперлась руками в его грудь, отталкивая от себя и отходя подальше.

- Без моего согласия ни один обряд не будет праведным. А моего согласия ты не получишь.

- Не тебе про согласия молвить, девка. Ты – без отца родного росла, живешь в чужом доме. Не пристало тебе выбирать.

Ее глаза вспыхнули, а сжатые губы побелели.

- Обычай велит беречь честь рода, а не ломать человека. Коли я против воли за тем пойду, кто мне не по сердцу, это будет стыдом для всех. Не бывать тому, Угрюм. Мой род не будет стыдиться меня. Не быть тебе моим мужем!

Угрюм нахмурился и сжал кулаки так, что жилы под кожей вздулись.

- Ты еще пожалеешь о своем отказе, - бросил он, разворачиваясь и уходя. А в ее памяти всплыл давнишний случай, когда она отказала молодому парню.

- Я о другом отказе жалею, - прошептала она себе под нос. Подойдя к завалинке на дрожавших ногах, опустилась на землю, обхватывая голову и пытаясь успокоить сердце. Надо что-то придумать. Что-то, чтобы Угрюм навсегда отстал от нее.

Последующие дни Нежана старалась держаться вблизи подруг или рядом с матушкой и женами отца, избегая оставаться одна. Так, ей казалось, он не достанет ее. А он не спускал с нее глаз. То заденет плечом, проходя мимо, то встанет на пути так, что ей не обойти, то сядет в кругу друзей и подруг совсем рядом, так, что она не может подняться и уйти, ведь это значит обидеть гостя. Но при всех встречах с Угрюмом она смотрела в его глаза прямо. Не дерзко, а твердо.

Временами ловила на себе задумчивый взгляд Радима, оказывающегося рядом. Видела, как он переводит взгляд с нее на Угрюма. И в этом взгляде на него вспыхивало что-то острое, словно сталь, вот-вот готовая вырваться из ножен.

Но Угрюм, казалось, не замечал потемневшего, сурового взгляда охотника. Он вел себя по-хозяйски, словно все уже решено. Зато она стала замечать, что Радим всегда оказывался поблизости. Поднесет ей кружку с травяным отваром. Незаметно заслонит от резкого порыва ветра и, как бы невзначай, от неприятного, липкого взгляда Угрюма. Сядет ближе, чем принято между молодыми людьми.

Случайно или нет, она не знала.

Но ей спокойнее становилось, когда он уверенно входил в круг соплеменников у костра, усаживаясь рядом и, принесенный из лесу ствол дерева, поваленного в бурю. И начинал точить ножи: ровно, неторопливо, словно каждое движение по клинку было частью одному ему ведомого ритуала. Отблески пламени выхватывали из темноты немного резковатые и суровые черты его лица. Но все это дарило ей умиротворение и уверенность.

Подружки косились на них, тихонько хихикая. А она все чаще ловила себя на том, что ищет взглядом Радима. И становилось мрачно и неуютно, когда его не оказывалось рядом. Работа валилась из рук, одолевала тоска, и хотелось спрятаться ото всех, убежать на берег речки и тихонько сидеть, глядя вдаль и слушая ее размеренную песнь. И стоило только ему оказаться рядом, мир менялся. Даже хмурый, пасмурный день начинал играть новыми красками: птицы пели громче, солнце светило ярче, а дождь смывал печаль и тоску. И каждый раз, когда их глаза встречались, она ловила его короткий кивок, словно он говорил: «Я здесь. Я рядом».

Однажды утром она возвращалась с речки - любимого ею места, где она любила проводить время в тишине и одиночестве, Угрюм поджидал ее у мостков. Заприметив его издали, Нежана нырнула в кусты орешника, пробираясь к дому окольными путями, узкой, неудобной для мужчины тропой. Ветки цеплялась за ее одежду, но она упрямо шла вперед, и лесная чаща, казалось, спешила укрыть ее от назойливого жениха.

И лишь значительно позже она столкнулась с ним в центре селища, где велись общие работы и собралось большинство жителей и гостей из других селищ. Все ждали возвращения обоза с данью, отправленную к хазарам. Воздух вокруг был наполнен разнообразными, привычными ее слуху звуками – скрипом телег, смехом детворы, пересудами женщин, стуком топора и треском кинутых в костер поленьев.

Он вскинул голову, окидывая ее нахальным взглядом, и, откинув в сторону полотенце, которым утирал пот с лица, двинулся к ней. Нежана впиалась ногтями в ладони, замерев у одной

из телег и прямо глядя на шедшего к ней мужчину. Убегать не было смысла. Ей даже показалось, что звуки вокруг стали тише. Словно все вокруг замерли, бросая в их сторону заинтересованные взгляды и прислушиваясь к их словам.

- Чего ходишь за мной, Угрюм? – холодно спросила она. – Отказ мой ты получил. А ты все бродишь кругами. Я не клад, чтобы добывать меня силой. Не по сердцу ты мне. Ищи себе другую.

Тихо охнула какая-то женщина. Старики на лавке подались вперед. Даже детвора - и та притихла, чувствуя общее напряжение взрослых.

Угрюм застыл, словно она его наотмашь ударила не словом, а чем-то тяжелым, лишив воздуха. Его тяжелый взгляд, которым он привык подавлять других, на миг потерял свою силу. Он сжал кулаки и шагнул вперед, но тут же замер, заметив, как у дома подался вперед Радим, сжимая в руке топор. Он, как и все, пришел на общие работы и все это время напряженно за ними следил, готовясь в любой момент рвануть вперед.

Стоящий чуть поодаль Первак, в окружении своих товарищей, криво усмехнулся. Но это была холодная, циничная усмешка над чужой слабостью. То ли Угрюма, который столько времени не мог совладать с девицей, то ли над ней, осмелившейся бросить вызов силе.

А Нежана, не отводя твердого взгляда от полыхающих злобой глаз Угрюма, внезапно поняла, что она бросила вызов не только ему, но и тому укладу, где сила всегда брала верх. И Угрюм ей этого не простит. Теперь у нее было два пути: наступить на свою гордость и отступить, или стоять на своем до конца.

Глава 25

Глава 25

Но Нежана была не из тех, кто долго тоскует. Она радовалась каждому мгновению, находя приятное в любых мелочах. Даже возвращение Радима всколыхнуло в ней почти забытую дерзость. Ей вспомнились все их детские проказы. Правда, сейчас она смотрела на них уже по-другому, тихонько улыбаясь про себя и покачивая головой над своим выходками. Как только родители не посидели раньше времени!

Уйдя поутру на опушку с подружками собирать травы, она не заметила, как пролетело время. За спиной послышались шаги. Сердце на миг сжалось. Неужто опять Угрюм? Она испуганно обернулась, натываясь на настороженный взгляд Радима.

- Ты одна? – оглядываясь, спросил он.

- Нет. Сестрицы где-то поблизости.

В прищуренном взгляде Радима отразилось сомнение. Он криво усмехнулся и кинул взгляд в ее корзинку. На его лице мелькнула озорная улыбка. Наклонившись, выхватил из корзинки один из пучков собранных трав.

- Ты не ту берешь, - покручивая в руках пучок, проговорил он, не спуская с нее лукавого взгляда. - Говорят, если ее в дом принести, мыши придут.

- Кто говорит? – она выхватила у него травы. - Ты сам только что это придумал.

- Не придумал. Вспомнил. Ведунья про нее рассказывала.

- Ведунья про полынь говорила, а это не она.

- А ты откуда знаешь? Ты раньше в лесу только ягоды собирала.

- А ты только стрелы точил да на охоту с отцом и братьями ходил. А я у травницы почти все прошлое лето жила. Много теперь знаю.

Радим тихонько фыркнул, но получилось у него это по-доброму.

- Ладно. Ты теперь у нас знахарка. Но если мыши придут, я скажу: «А я же говорил!»

Нежана выпрямилась, подхватывая корзинку.

- Если придут, я тебе дам самую горькую траву и заставлю по избе бродить, их отпугивать, чтобы они ушли.

По его губам пробежала улыбка. А Нежана, согретая ее теплом, покраснела чуть ли не до ушей.

- Ты чего ко мне пришел? – искоса глядя на него поинтересовалась девушка. Радим смущенно отвел взгляд в сторону.

- Да так... услышал, как говорят, мол, духи у реки по ночам свистят.

Нежана рассмеялась.

- Радим! То ветер в камышах играет. Или мальчишки свистят.

- Может, и мальчишки... и камыш, - он посмотрел на нее, - а может, кто свистульку потерял.

Вот она и зовет?

Взгляд девушки замер, а улыбка сбежала с лица. Она помнила, как в детстве потеряла свистульку, что ей отец сделал. Новенькая, гладкая. И пела как звонок. Ее мать тогда только-только за него согласилась пойти. А он ей старался помочь в новой семье прижиться. Игрушек разных сделал. Из дерева да камыша.

- Уже столько времени прошло, - отводя взгляд, произнесла она, - а ты помнишь?

Он ничего не ответил, просто достал из-за пазухи небольшую свистульку с глубокой трещиной.

- Как ты ее нашел? Или?... - Нежана подозрительно уставилась на него. - Так она была у тебя?

Радим смущенно и виновато улынулся.

- Мне тебя тогда позлить хотелось после того, как ты мою добычу из силков выпустила. Вот я ее нашел, а возвращать не стал. А потом как-то позабылось...

- И ты все это время хранил ее.

- Да, - как можно равнодушнее он пожал плечами, - она о... земле родной напоминала...

Так, переговариваясь и вспоминая детство, они вышли на развилку. И не сговариваясь свернули на тропу, что к речке вела. Тропа узкая, заросшая, с нависающими над ней ветвями. Мужчина уверенно шел впереди, отводя ветки. Нежана лишь поглядывала на него, стараясь поспеть за его шагом.

- Тут и ребенок пройдет, - бурчит Радим, - чего ты так плетешься?

- Я не плетусь, а смотрю, куда ступаю, - огрызнулась Нежана. - Это ты как ветер летишь, словно за тобой волколак гонится. Смотри, а то свалишься в овраг, а мне потом тебя вытаскивать.

- Я и без помощи из оврага смогу выбраться.

Нежана неожиданно остановилась и засмеялась. Легко. Звонко.

- Радим, а помнишь, как ты в этом месте о корень споткнулся и чуть в крапиву не сел?

Он кривовато усмехнулся, глядя на ее счастливое лицо и слушая залиvistый смех.

- Вовсе не о корень, - поправил он, - просто кто-то решил малиной полакомиться, да корзинку на дороге оставил.

- А ты бы лучше под ноги смотрел, а не на девиц заглядывался, - отмахнулась она, - тогда бы и встречи с крапивой избежал.

- Я и так ее избежал... почти.

- Ага. А кто потом почти неделю, почти целую седмицу на речке ночевал?

- Так я рыбу удил, - нашелся Радим, чем вызвал ее смех, - и вообще, надо мной духи тропы пошутили, а ты хохочешь.

- Духи тут ни при чем. Просто ты всегда торопился, чтобы до воды первым добраться.

- Зато я всегда знал самые короткие пути.

- Это не значит, что они самые безопасные. Просто ими редко ходят...

Они замолкли и отвели взгляды друг от друга, ибо только сейчас поняли, что выбрали эту тропу, чтобы пройти вдвоем, хотя могли идти по просторной дороге. Радим пропустил ее вперед, и до возвращения в селище они больше не обмолвились ни одним словом.